БУРЕВѢСТНИКЪ

Пусть сильнѣе грянетъ буря!

Ноябрь 1909 г. Органъ Русскихъ Анархистовъ-Коммунистовъ. № 18.

ПАМЯТИ ФРАНЦИСКО ФЕРРЕРА.

Бурные ферреровскіе дни, дни всемірнаго протеста, уже принадлежатъ исторіи. Буржуазная печать занята теперь другими злободневными вопросами. Кровавое министерство Маура смѣнилось „либеральнымъ" министерствомъ Морета, которое, посовѣтовавшись предварительно съ новымъ барцелонскимъ генералъ-губернаторомъ, съ „благоразумной постепенностью", вызывающей одобреніе той же интернаціональной буржуазной прессы, вводитъ „нормальный порядокъ" въ Каталоніи. Совѣсть всемірной „свободомыслящей" буржуазіи успокоена.

Въ дни, послѣдовавшіе за казнью Феррера, наглому натиску воинствующей католической церкви и реакціонной военщины былъ противопоставленъ не только протестъ интернаціональнаго пролетаріата, поднявшагося на борьбу съ возмутительнымъ насиліемъ обнаглѣвшаго союза рясы и сабли надъ представителями будущаго свободнаго міра, но и протестъ интернаціональной буржуазіи, напуганной самоувѣренностью, съ которой стали дѣйствовать въ Испаніи, при сочувствіи всего католическаго міра, реакціонныя силы стараго режима. Присоединеніе свободомыслящей крупной и мелкой буржуазіи къ пролетарскому протесту, само собою разумѣется, лишь къ его болѣе мирнымъ формамъ, несомнѣнно усилило давленіе на коронованную обезьяну — Альфонса XIII и его придворныхъ. Но, присоединившись къ пролетарскому движенію, протестовавшая буржуазія постаралась затемнить его глубокій смыслъ и смягчить рѣзкія формы, въ которыя онъ вылился.

По существу движеніе протеста было направлено не только противъ клерикаловъ, наслѣдниковъ и продолжателей испанской инквизиціи. Пролетаріи, объявившіе всеобщую стачку въ Италіи, демонстрировавшіе съ оружіемъ въ рукахъ на улицахъ Парижа, выражали свою солидарность съ пролетаріатомъ Каталоніи, объявившимъ всеобщую забастовку и поднявшимъ вооруженное возстаніе противъ правительства, посылавшаго его на войну въ Марокко. Эта война, противъ которой возстали рабочіе Испаніи, а съ ними и всемірный пролетаріатъ, не была дѣломъ рукъ одного лишь испанскаго духовенства и высшихъ круговъ мадридской военщины. Она была начата, также и даже прежде всего, въ интересахъ нѣкоторыхъ испанскихъ капиталистовъ, подобно тому, какъ русско-японская война была начата въ интересахъ кучки спекуляторовъ. Интернаціональный пролетаріатъ протестовалъ противъ всего современнаго капиталистическаго строя, при которомъ интересы всего народа приносятся въ жертву интересамъ кучки богачей. Но само собой понятно, что газеты, находящіяся въ рукахъ капиталистовъ, даже тѣ изъ нихъ, которыя протестовали противъ казни Феррера и „излишнихъ жестокостей" испанскаго правительства, усмирявшаго Барцелону, старались придать всему движенію такое освѣщеніе, какъ будто протестъ былъ направленъ лишь противъ католическаго духовенства и короля-кретина.

Но одно обстоятельство сильно смущало журналистовъ „большой прессы".

Франциско Ферреръ, вокругъ имени котораго сгруппировалось все движеніе, былъ анархистомъ. И вся либеральная печать, точно сговорившись, стала замалчивать этотъ фактъ, мало того нѣкоторые органы рѣшились заявить, что анархистскія убѣжденія Феррера это клевета, пущенная въ ходъ испанскимъ духовенствомъ и реакціонными газетами. Наши русскія газеты также или замалчивали анархистскія убѣжденія Феррера, или увѣряли своихъ читателей, что онъ былъ лишь республиканцемъ.

Одна изъ парижскихъ радикальныхъ газетъ „Action" заявила даже, что Ферреръ былъ „индивидуалистомъ и гуманистомъ, какими были братья Реклю". Трудно рѣшить, приходится ли отнести это странное заявленіе на счетъ невѣжества редакціи „Action" или на счетъ невѣжества ея читателей, которымъ эта газета рѣшилась преподнести утвержденіе, что Элизе Реклю, а вмѣстѣ съ нимъ и близкій ему идейно Ферреръ, не былъ анархистомъ.

Главной областью дѣятельности Франциско Феррера было воспитаніе, воспитаніе не только антицерковное, но и антиавторитарное, анархическое. Но, придавая огромное значеніе воспитанію, созданію поколѣнія людей, свободныхъ отъ религіозныхъ и государственныхъ предразсудковъ, Ферреръ такъ же, какъ и Кропоткинъ, Реклю и другіе анархисты, полагалъ, что освобожденіе человѣчества прежде всего зависитъ отъ роста рабочихъ организацій, отъ развитія въ ихъ средѣ анархо-соціалистическаго сознанія и революціонности. И, несмотря на то, что главнымъ дѣломъ его жизни было основаніе „Современной Школы", и ея многочисленныхъ, разбросанныхъ по всей Испаніи, отдѣленій (число закрытыхъ правительствомъ достигло 120), онъ все же находилъ время и возможность помогать всѣми способами основанію рабочихъ синдикатовъ. Много

также сдѣлалъ Фереръ для распространенія анархистскихъ идей въ Испаніи, путемъ изданія на испанскомъ языкѣ сочиненій Кропоткина, Жана Грава, Реклю, Малато и другихъ теоретиковъ анархизма.

Пусть свободомыслящіе буржуа чтутъ въ Феррерѣ лишь борца противъ клерикализма, пусть они сознательно или безсознательно закрываютъ глаза на другія, еще болѣе важныя, но отрицательныя, съ ихъ точки зрѣнія, стороны его дѣятельности,—въ памяти революціоннаго пролетаріата и своихъ товарищей-анархистовъ Франциско Ферреръ останется навсегда, какъ павшій на славномъ посту борецъ не только противъ церкви, но и противъ частной собственности и государства.

ИСТОЧНИКИ АНАРХИЗМА.

*Статья первая.**)

Есть предразсудки, которые, если только они успѣютъ укрѣпиться, потомъ крайне трудно бываетъ ихъ искоренить. Къ сожалѣнію, насчетъ анархизма, съ самаго начала его появленія на политическомъ горизонтѣ Европы, установились предвзятыя идеи, съ которыми и по сію пору приходится считаться всякому анархисту,—будь онъ мыслитель и ученый или простой, рядовой, практическій дѣятель. Вотъ уже 30 лѣтъ, какъ анархизмъ существуетъ, какъ движеніе. За это время онъ сумѣлъ выдвинуть цѣлую плеяду историческихъ героевъ и не мало всемірно извѣстныхъ ученыхъ и мыслителей, а предразсудки установившіеся противъ него, все еще не теряютъ своей живучести. Анархизмъ утопиченъ, несвоевременъ и не нуженъ,—вотъ самые распространенные взгляды на анархизмъ, даже среди тѣхъ, которые, привыкши думать, обладая кое-какими знаніями, могли бы, казалось, серьезнѣе вдуматься въ вопросъ и не повторять безсознательно то, что создано именно безсознательностью. Создалась извѣстнаго рода вѣра, и, какъ и всякая другая вѣра, слѣпая вѣра въ утопичность, несвоевременность и ненужность анархизма, не требуетъ доказательствъ. Это именно и придаетъ силу этимъ предразсудкамъ.

* * *

Изъ всѣхъ установившихся насчетъ анархизма предразсудковъ самымъ зловреднымъ безусловно является слѣпая, но большею частью искренняя, вѣра въ совершенную ненужность анархизма. Не такъ опасно утвержденіе объ утопичности анархизма, не такъ опасно и утвержденіе относительно его несвоевременности, но крайне опасно и зловредно утвержденіе, будто анархизмъ совершенно не нуженъ въ борьбѣ, ведущейся за полноту человѣческой жизни—за свободу и равенство. Легко опровергнуть доказательство утопичности анархизма, ибо не трудно показать, что всѣхъ реформаторовъ, всякую идею общественнаго переворота встрѣчали вначалѣ всегда и всюду именно подобнаго рода упреки. Есть истины, которымъ мы учимъ нашихъ дѣтей въ начальныхъ школахъ, не говоря о высшихъ школахъ, знаніе ихъ считается обязательнымъ для всѣхъ; однакожъ не такъ далеко то время, когда за провозглашеніе этихъ истинъ люди жестоко преслѣдовались, ихъ за это сажали въ тюрьмы, а то и жгли. Легко показать, что то, что является нынѣ реальностью, еще не такъ давно считалось утопіей. Не такъ давно уничтоженіе крѣпостного права казалось преступной утопіей крѣпостникамъ, не такъ давно ограниченіе абсолютизма казалось несбыточной мечтою сторонникамъ неограниченнаго произвола; не такъ давно республиканскій идеалъ казался монархистамъ плодомъ больной фантазіи; не трудно, наконецъ, показать, что родоначальниками всей нашей культуры, всей нашей науки и всего того, что есть здороваго и цѣннаго въ нашихъ соціальныхъ отношеніяхъ, являются утописты,—утописты провели первыя дороги, построили первые города, они вывели нашихъ предковъ изъ лѣсовъ и научили ихъ „творить исторію“.

Не трудно также показать, что за утвержденіемъ о несвоевременности анархизма скрывается грубый оппортюнизмъ, порою заинтересованное политиканство и почти всегда трусость мысли. Гораздо труднѣе бороться съ тѣмъ предразсудкомъ, который утверждаетъ ненужность анархизма. Предразсудокъ этотъ имѣетъ массу корней и чтобы опровергнуть его съ нужною полнотою аргументаціи, нужно подвергнуть строгому анализу всю дѣйствительность, весь укладъ нашей жизни и показать, что анархизмъ порожденъ необходимостью обновленія всей современной общественной жизни,—а что она нуждается въ обновленіи, это доказываетъ анализъ дѣйствительности, а не какая нибудь искусственно придуманная теорія. Даже больше, анархизмъ отождествляется съ самой идеей общественнаго развитія, а потому мы встрѣчаемся съ анархическими проявленіями съ самаго начала исторической жизни народовъ. Онъ участвуетъ въ качествѣ разрушительной и творческой силы во всѣхъ попыткахъ усовершенствованія формъ и содержаній общественной жизни.

* * *

Очень часто анархизмъ разсматривается, какъ теорія совершенно оторванная отъ дѣйствительности и, конечно, дѣятельность, основанная на такой теоріи, кажется излишней и безплодной. Люди мало считаются съ тѣмъ, что анархизмъ черпаетъ всю свою практическую философію изъ анализа дѣйствительности, изъ анализа жизни, стремленій, борьбы и труда трудящейся массы,—они этого не видятъ или не хотятъ видѣть. Они видятъ лишь непримиримость анархизма, рѣзко отрицательное отношеніе ко всему сущему, ко всей дѣйствительности, хотя бы на основаніи анализа дѣйствительности же, и не видя ни историческаго смысла, ни историческаго начала анархическихъ отрицаній, ни ихъ творческаго значенія, часто рисуютъ его какъ теорію безцѣльнаго и безсмысленнаго разрушенія. Стремленіе анархизма къ полной переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей кажется такимъ святотатствомъ, съ которымъ никакъ не можетъ примириться филистерское большинство современнаго общества, а такъ какъ большинство является выразителемъ общественнаго мнѣнія, то анархизмъ какъ бы находится въ оппозиціи со всѣмъ обществомъ. За эту оппозицію общество, какъ бы въ отместку анархизму, провозглашаетъ его—теорію полной общественности теоріей противообщественною. Злостная критика всѣхъ священныхъ, „незыблемыхъ“ основъ современной жизни, въ которой особенно изощряется анархизмъ, приводитъ въ ужасъ филистера. Частная собственность, государство, религія, семья, господствующая мораль, фетишизмъ науки, организаціонный принципъ современнаго общества и даже такъ называемыхъ современныхъ передовыхъ партій, всѣ, положительно всѣ современныя понятія, вѣрованія и учрежденія подвергаются анархизмомъ рѣзкой, неумолимой и жестокой критикѣ. Дрожитъ и плачетъ филистеръ: où allons nous? Что съ нами будетъ, если дѣйствительно восторжествуетъ эти люди, для которыхъ нѣтъ въ мірѣ ничего святого? Вѣдь это дикіе разрушители, безсмысленные аморфисты!

Однакожъ, въ дѣйствительности, нѣтъ ничего безсмысленнѣе въ мірѣ этого обвиненія; это безумный крикъ ужаса рутины передъ неминуемо надвигающимся новшествомъ. Анархизмъ ничего безсмысленно не разрушаетъ, въ разрушеніи совершаемомъ имъ, есть глубокій творческій смыслъ. Въ обветшаломъ зданіи современнаго общества есть, конечно, много ненужнаго хлама, но есть и много цѣннаго; само же зданіе въ корнѣ прогнило, оно грозитъ рухнуть и похоронить подъ своими развалинами, вмѣстѣ съ ненужнымъ и прогнившимъ, и то, что сохранило жизнеспособность и, слѣдовательно, годится для новой постройки. Анархизмъ лишь старается спасти общество, онъ хочетъ извлечь изъ зданія, готоваго рухнуть, все, что пока еще живо и нормально, все, что нужно будущему, а остальное—пусть рушится, пусть гибнетъ. Лучшая участь развивающагося и разрушающагося быть разрушеннымъ, ибо потомъ творчество уцѣлѣвшихъ жизненныхъ силъ сумѣетъ извлечь изъ образовавшейся безформенной массы, разложенной разрушеніемъ на составные элементы, матеріалъ для новаго, здороваго и прочнаго зданія. Къ тому же это единственное средство придать смыслъ тому жестокому разрушенію, которое имѣетъ мѣсто въ современномъ обществѣ, но ужъ не по винѣ анархистовъ, а вслѣдствіе тѣхъ ненормальныхъ условій, въ которыхъ развивается вся современная жизнь и современное общество. Изъ безформенной массы была создана рукою творца Венера Милосская, изъ отрывочныхъ „безформенныхъ“ звуковъ создана 9-ая симфонія Бетховена, о которой Бакунинъ говорилъ: „все погибнетъ, все будетъ разрушено, а 9-ая симфонія Бетховена останется“,—останется потому, что въ ней божественно сочетанными звуками

*) Статья эта представляетъ собой краткое изложеніе введенія въ новый трудъ автора. Ред.

выражена борьба новаго, молодого со старымъ, страсть разрушенія стараго и страсть созданія новаго, она останется, потому что она есть мелодія звуковъ, вѣчно и всюду сопровождающихъ тотъ „вѣчный и непостижимый духъ, который разрушаетъ и уничтожаетъ только потому, что онъ есть непостижимый и вѣчно творящій источникъ всякой жизни".

На самомъ дѣлѣ, всякое строеніе новаго, если оно происходитъ взамѣнъ стараго, подразумѣваетъ его разрушеніе. Нельзя построить новое общество около стараго,—новый міръ не можетъ умѣститься на рубежѣ стараго. Или новое будетъ построено на мѣстѣ стараго, или оно совсѣмъ не будетъ построено. Старое разрушается не ради удовлетворенія страсти разрушенія, а въ виду постройки новаго. Старое разрушается не изъ любви къ возможно большему разрушенію, а потому что оно старо и не соотвѣтствуетъ болѣе разросшейся жизни. Новой жизни нужна новая форма, новая арена,—широкія равнины, гдѣ она, не стѣсненная грязными, удушливыми, въ корень прогнившими стѣнами стараго, будетъ развиваться все шире и шире, пріобрѣтая все новыя и новыя творческія силы. Вотъ въ какомъ смыслѣ нужно понимать знаменитое выраженіе Бакунина: „Духъ разрушенія есть въ то же время созидающій духъ"—выраженіе кроющее въ себѣ цѣлую философію и часто къ сожалѣнію подвергавшееся совершенному искаженію.

Но филистеръ и слушать не хочетъ этой „метафизики": зачѣмъ намъ всѣ эти ужасы, зачѣмъ отпугивать людей, зачѣмъ занимать такое враждебное положеніе по отношенію всего общества,—такими крайностями можно создать секты, множество сектъ, но никогда не привлечешь на свою сторону *большинство*, а намъ его и нужно для того, чтобы успѣшно бороться противъ всѣхъ темныхъ силъ прошлаго, противъ всей „власти тьмы". Филистеръ умѣетъ говорить, за словомъ онъ въ карманъ не полѣзетъ, порою онъ говоритъ даже красиво, но онъ живетъ словами и не ломаетъ себѣ голову, чтобы „вложить въ свои понятія", иначе онъ зналъ бы, что большинство въ исторіи играло совсѣмъ не ту роль, которую онъ ему приписываетъ, не большинство было въ исторіи иниціаторомъ новшествъ, а меньшинство, меньшинство брало на себя иниціативу нововведеній и принуждало большинство долгимъ упорнымъ трудомъ, а порою кровавой борьбою, признать ихъ; большинство всегда стояло бы на мѣстѣ, если бы меньшинство не заставляло его идти впередъ.

Соціальный прогрессъ не совершается строго опредѣленными группами, не достаточно сказать большинство и меньшинство. Въ большинствѣ всегда бываетъ меньшинство, а въ меньшинствѣ большинство, иначе говоря какъ въ томъ, такъ и другомъ, естественно или искусственно, добровольно или по принужденію группируется цѣлая масса разнообразныхъ элементовъ, вліяніе которыхъ трудно учесть. Кто серьезно присматривается къ тому, что происходитъ въ самой глубинѣ массы, кто серьезно присматривается, не только къ тому что изъ жизни этой массы всплываетъ наружу и, слѣдовательно, видно даже обыкновенному наблюдателю, но и къ тому, что не видно съ перваго раза, не всплываетъ наружу, а мало-по-малу зрѣетъ въ ея сознаніи, кто присматривается, наконецъ, къ тому, что придаетъ смыслъ человѣческой исторіи и что сокрыто въ сложныхъ и разнообразныхъ отношеніяхъ, въ взаимодѣйствіяхъ и противодѣйствіяхъ соціальныхъ силъ, знаетъ, что никогда и нигдѣ ни одинъ опредѣленный и замкнутый въ себѣ самомъ коллективъ не находитъ въ себѣ достаточной силы, достаточной предпріимчивости и энергіи, чтобы удовлетворить лишь одними своими средствами, всѣмъ потребностямъ той поразительно сложной и разнообразной жизни, которою живетъ культурное общество, чтобы выражать всѣ его стремленія, чтобы руководить всѣми видами его дѣятельности.

* * *

Общество состоитъ изъ особаго рода единицъ, особенность ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ не даютъ одну общую сумму, а поэтому оно одного общаго руководителя и выразителя не можетъ имѣть и не должно имѣть; въ противномъ случаѣ оно всегда будетъ впадать въ противорѣчіе съ принципомъ общественности, лежащей въ его основѣ. Всякій шагъ впередъ, всякія улучшенія формы и содержанія общественной жизни, однимъ словомъ, всякій прогрессъ является, по тѣмъ же соображеніямъ, не простой суммировкой частныхъ усилій отдѣльныхъ группъ или индивидовъ, а *равнодѣйствующею* всѣхъ наличныхъ активныхъ соціальныхъ силъ.

Намъ кажется, что это понятіе равнодѣйствующей можно расширить такъ, чтобы ее можно было сдѣлать основой цѣлой новой философіи, которая будетъ свободна, съ одной стороны отъ ошибокъ Конта, а съ другой—отъ непослѣдовательностей Спенсера и которая не будетъ ни позитивистской ни синтетической, а и тою и другою вмѣстѣ. На самомъ дѣлѣ, наши основныя понятія: матерія, среда, индивидъ тоже не являются, самодовлѣющими не разложимыми единицами, границы и всѣ мельчайшіе контуры которыхъ были бы строго опредѣлены. Каждое изъ нихъ, постольку, поскольку мы ихъ конкретизируемъ, представляются намъ выраженіями равнодѣйствія различнаго порядка силъ. Назовемъ по примѣру Ле-Дантека*) А индивидъ, а среду обозначимъ буквой В. Если ихъ не превратить въ абстракціи, нужно признать, что они не имѣютъ самостоятельнаго другъ отъ друга существованія. А существуетъ въ В и, слѣдовательно, нельзя противопоставить среду индивиду и индивида средѣ; то что мы называемъ средою это А⨯Б, а то, что мы называемъ индивидомъ, это тоже А⨯Б. Реальна для насъ лишь равнодѣйствующая этихъ двухъ силъ, каждая же изъ нихъ, взятая отдѣльно и абсолютно обособленная отъ другой — абстракція, съ неуловимымъ и неопредѣлимымъ содержаніемъ. Тоже самое можно сказать и относительно матеріи, которая не есть та неизмѣнная сущность вещей, о которой намъ говорили. Она также является выраженіемъ *равнодѣйствующей* различныхъ силъ, приведшей эти послѣднія къ извѣстному опредѣленному виду равновѣсія, которое, конечно, очень устойчиво, но *не* неразрушимо. Если-бы не было различно направленныхъ и различной интенсивности силъ, стремящихся превозмочь другія силы или установить съ ними извѣстнаго рода равновѣсіе, т. е. войти съ ними въ составъ какой нибудь системы равновѣсія, равновѣсія, которое постоянно нарушается, но которое постоянно же возстановляется, но только по иному образцу и на иныхъ началахъ, вслѣдствіе постоянно же происходящихъ измѣненій въ составѣ соотношеній активныхъ силъ, то не было бы ни движенія, ни прогресса.

Мнѣ часто приходитъ въ голову такая мысль: представимъ себѣ, что изъ всего населенія земного шара составилась единая и нераздѣльная соціальдемократическая партія, что она не встрѣчаетъ никакой оппозиціи, что ее никто не тянетъ ни влѣво, ни вправо, что ее никто не толкаетъ впередъ и не заставляетъ освѣжать свои мысли и понятія. Что сталось бы тогда съ общественнымъ и умственнымъ прогрессомъ? Отвѣтъ ясенъ: прогресса не стало бы, исчезла бы самая идея прогресса. Взялъ я соціальдемократію не по какимъ нибудь спеціальнымъ соображеніямъ, если на ея мѣсто подставить анархистскую партію, разсужденіе не измѣнилось бы на іоту. На самомъ дѣлѣ, общественную жизнь, какъ и все остальное въ мірѣ, нельзя свести къ „единому и нераздѣльному" выразителю, ибо, какъ уже было сказано, всю сущность общественной жизни составляетъ взаимодѣйствіе наличныхъ активныхъ силъ и ихъ равнодѣйствующая, являющаяся временнымъ выраженіемъ соотношенія силъ, соотношенія, подвергающагося постояннымъ измѣненіямъ.

* * *

Задача активныхъ, живыхъ участниковъ общественнаго процесса — индивидовъ и группъ — заключается, какъ явствуетъ изъ всего сказаннаго, не въ томъ, чтобы сдѣлаться всей общественной силою, — мы видимъ, что это невозможно, — а въ томъ, чтобы быть достаточно могучими, дабы видоизмѣнить соотношенія общественныхъ силъ такъ, чтобы создать наилучшія условія для развитія все большаго и большаго прогресса и, слѣдовательно, все болѣе и болѣе полной жизни. Задача эта колоссальна, и въ этой колоссальной работѣ индивидъ, и масса имѣютъ свои опредѣленныя роли, свои спеціальныя миссіи, но несмотря на это, ихъ дѣятельность не противорѣчива, а наоборотъ подчинена одной общей цѣли. Въ соціальномъ строительствѣ индивидъ лишь чертежникъ и архитекторъ, а масса все остальное. Масса даетъ элементъ синтеза, а индивидъ осуществляетъ этотъ синтезъ и обратно возвращаетъ ей, ибо претворить его въ жизнь она одна способна. Индивидъ является носителемъ мысли, идеи, которая, однакожъ, не есть плодъ вдохновенія свыше, а результатъ жизни и труда; но только она, преломляясь въ призмѣ его сознанія, носитъ индивидуальный отпечатокъ и почти всегда отличается отъ той же мысли, прошедшей черезъ сознаніе другого индивида.**) Понятно почему. Каждый изъ нихъ является какъ бы результатомъ

*) Traité de biologie и Theorie nouvelle de la vie.

**) Houssay. Nature et sciences naturelles. Introduction.

другого соотношенія силъ, особою равнодѣйствующею. Но какъ бы ни отличались системы силъ, дающія начало всѣмъ этимъ равнодѣйствующимъ, онѣ всегда характеризуются присутствіемъ двухъ общихъ элементовъ — индивидъ и среда, — поэтому они близки другъ къ другу. И на самомъ дѣлѣ, даже самый поверхностный анализъ такъ называемой среды показываетъ намъ, что индивидъ для индивида есть среда и притомъ, какъ бы сказать, „самая близкая" и, стало быть, взаимодѣйствіе, возникающее между ними есть самое непосредственное. Ни о механизмѣ этого взаимодѣйствія, ни о томъ, чьимъ посредникомъ является въ данномъ случаѣ индивидъ, мы тутъ говорить не будемъ. Скажемъ только, что взаимодѣйствие это, въ началѣ своемъ возникающее на чисто матеріальной почвѣ превращается въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи въ болѣе сложную связь, коренящуюся не только въ матеріальныхъ, но и въ психическихъ основаніяхъ; благодаря этой двуединой связи различные элементы могутъ быть объединены то въ обществахъ, то въ группахъ. Напримѣръ, тотъ фактъ, что элементы, столь противорѣчивые въ экономическомъ отношеніи, какъ пролетаріатъ и буржуазія, объединены, въ одно общее культурное общество, объясняется не только тѣмъ, что каждому изъ эксплуатируемыхъ всетаки лучше въ обществѣ, чѣмъ внѣ его, т. е. элементомъ матеріальнымъ, но еще тѣмъ, что у нихъ есть сознаніе чего то общаго въ прошломъ и грядущемъ, сознаніе необходимости кооперацiи силъ, т. е. элементомъ психическимъ. Такъ или иначе это объединеніе, эта совмѣстная, общественная жизнь способствуетъ умственному развитію людей, ибо умъ рождается и развивается лишь въ обществѣ*) и, стало быть, общество, кооперація силъ и энергія является наилучшимъ средствомъ какъ въ борьбѣ за самую жизнь, такъ и въ борьбѣ за ея усовершенствованіе.

* * *

Общественная жизнь рождаетъ и развиваетъ идею, и черезъ идею растетъ и развивается общественная жизнь. Она также является однимъ изъ средствъ борьбы за жизнь и за усовершенствованіе жизни. Это видно изъ того, что мы сказали о происхожденіи ея. Стало быть она не представляетъ собою ничего метафизическаго, она не есть „верховная сущность", службою которой нужно было бы оправдывать сознательную жизнь и дѣятельность человѣка. Жизнь не нуждается въ оправданіи, она въ себѣ самой кроетъ свое оправданіе, — стремленіе къ полнотѣ, къ свободѣ, къ нормальнымъ условіямъ развитія, которыя присущи ей — вотъ ея оправданія; другихъ оправданій ей не нужно. Жизнь сама по себѣ есть благо и притомъ благо, имѣющее тенденцію, развиваться, расширяться; сущность жизни такова, что она стремится стать все болѣе и болѣе экспансивной и интенсивной. Содѣйствовать рѣшенію этой великой задачи, которую ставитъ себѣ сама жизнь со всей своей реальностью — вотъ цѣль и оправданіе всякаго сознательнаго существа. Идея, тѣсно связанная съ жизнью, не оторванная отъ нея, а служащая ей, есть сила, *идея-сила*. И на самомъ дѣлѣ, идея общественной силой становится лишь тогда, когда она конкретизируется т. е. когда она входитъ въ тѣсную связь съ жизнью и превращается въ силу, руководящую дѣятельностью живыхъ творцовъ общественной жизни и общественнаго процесса — индивидовъ, которыхъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ противопоставлять массѣ. Это противопоставленіе индивида массѣ, такъ же какъ утвержденіе, какъ будто они представляютъ собою двѣ величины совершенно различныхъ свойствъ, чисто литературное недоразумѣніе. Индивидъ не можетъ ни мыслить, ни дѣйствовать не предполагая существованія „множества себѣ подобныхъ"; всѣ его помыслы, всѣ его стремленія постольку, поскольку онъ думаетъ объ окружающемъ его мірѣ, имѣютъ въ своей основѣ предположеніе о существованіи чужой *воли*, съ которой онъ долженъ ассоціировать свою волю или съ которою его воля должна войти въ конфликтъ. Живущему сама жизнь подсказываетъ предположеніе о жизни вокругъ него; это настолько вѣрно, что всѣ дѣйствія индивида разсчитаны на то, чтобы воздѣйствовать на окружающее, а въ окружающемъ ему прежде всего приходится считаться съ такими же живыми существами, способными къ цѣлестремительной работѣ, какъ и онъ. Вѣрно и то, что онъ это предположеніе можетъ дѣлать не только въ цѣляхъ соціальныхъ, но и въ цѣляхъ эгоистическихъ. Мы не оцѣниваемъ тутъ соціальное значеніе этого предположенія во всей его полнотѣ, мы просто констатируемъ, что это предположеніе есть условіе, правило, руководящее его жизнью и дѣятельностью. Для развитаго индивида индивидуализмъ давно уже превратился въ физическую невозможность, ибо онъ самъ сталъ такимъ сложнымъ организмомъ, индивидуальныя границы котораго чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становится установить.*) Настоящій индивидъ, и притомъ индивидъ, могущій жить исключительно индивидуалистической жизнью это — пластида.**) Всякій же индивидъ, ушедшій дальше пластиды въ своемъ развитіи, теряетъ тѣмъ самимъ возможность жить вполнѣ индивидуалистской жизнью. Въ этой *технической* невозможности послѣдовательнаго индивидуализма и кроется рѣзкое и окончательное осужденіе всякихъ индивидуалистскихъ стремленій. Однакожъ, индивидуализмъ не лишенъ, если хотите, нѣкотораго значенія, — въ его панкритикѣ есть не мало разрушительной силы, которая можетъ оказаться въ высокой степени полезной, но только въ томъ случаѣ, если результатами этой разрушительной критики воспользуются тѣ, кто умѣетъ что либо создавать, ибо самъ индивидуализмъ совершенно лишенъ дара соціальнаго творчества, — каждый разъ, когда онъ сталкивается съ дѣйствительностью, т. е. каждый разъ, когда онъ изъ Tour d'Ivoire чистой критики переходитъ въ міръ дѣйствительности, онъ опускается на самое дно низости: когда меня эксплуатируютъ это — плохо, и я протестую противъ эксплуатаціи, но если я эксплуатирую, это хорошо, это служитъ разцвѣту моей индивидуальности; когда государство меня угнетаетъ, я протестую противъ этого гнета и воюю противъ государства, но если оно со мною, мы друзья-пріятели.

Изъ всѣхъ соціальныхъ теорій, созданныхъ ищущей, пытливою мыслью человѣка, индивидуализмъ меньше всего считается съ интересами *индивидовъ*, будучи всецѣло поглощеннымъ службою эгоистическимъ интересамъ *индивида*. Нѣтъ „правды-истины", ни „правды-справедливости" въ грубомъ и жестокомъ господствѣ анонимнаго „*мы*" надъ „*я*", но ихъ еще меньше въ тираніи „я" надъ „мы". Этой борьбѣ „я" съ „мы" долженъ быть положенъ конецъ; она и исчезнетъ, она порождена извращенностью тѣхъ условій, въ которыхъ приходится развиваться нынѣ жизни; но это такъ вѣчно не можетъ длиться, — жизнь имѣетъ свою волю и свои права, она выйдетъ изъ того хаоса, въ который ввергаютъ ее противожизненныя силы, и тогда исчезнетъ и эта искусственно созданная антиномія.

Въ соціальной наукѣ, въ прогнозѣ будущаго строительства индивидуализму придется, конечно, удѣлить мѣсто, но лишь въ количествѣ фермента разложенія, соціальная же жизнь складывается помимо и противъ индивидуалистскихъ теченій. Колоссальный переворотъ ничего подобнаго которому не видывала исторія, къ которому стремится современное общество въ лицѣ своихъ трудящихся и производительныхъ элементовъ, есть лучшее тому доказательство; движеніе трудящейся массы, стремящейся къ самоосвобожденію совершается подъ знаменемъ соціализма (общественности), и оно цѣликомъ направлено не противъ индивида, а противъ индивидуализма (конкурренція) и имѣетъ въ виду возстановленіе общественности, т. е. осуществленіе соціализма.

* * *

Союзъ, ассоціація, кооперація силъ, сказали мы, представляютъ собою лучшее средство борьбы за жизнь и за ея совершенство. Въ союзѣ, самымъ старымъ видомъ котораго является общество, человѣкъ пріобрѣлъ то, что дало ему возможность выжить эту борьбу за существованіе, усовершенствоваться, создать свою науку, технику, искусство, т. е. развитый мозгъ, высокую интеллектуальную способность.***) Кромѣ этого общаго значенія принципъ кооперацiи силъ имѣетъ массу другихъ частныхъ приложеній, и къ нему прибѣгаютъ люди при каждой попыткѣ соціальнаго творчества. Если принципъ этотъ лежитъ въ основѣ общества и является, какъ бы сказать, закономъ его матеріальнаго развитія вообще, то внутри самого общества, въ которомъ психически****) соединены различные элементы, принципъ этотъ играетъ не менѣе важную роль.

Общество, какъ уже было сказано, состоитъ изъ особаго вида единицъ, сумма которыхъ не даетъ одного опредѣленнаго цѣлаго, т. е. оно состоитъ изъ неслагаемыхъ величинъ, изъ разнородныхъ

---

*) См. П. Кропоткинъ. Взаимопомощь.

---

*) Le Dantec. Determinisme biologique et l'individualité consciente.
**) Metchnikoff. Civilisation et les grands fleuves historiques p. 17.
***) См. Espinas—„Les sociétés animales"; Lanessan—„La lutte pour l'existance et l'association pour la vie" и въ особенности П. Кропоткинъ—„Взаимопомощь".
****) См. выше какъ и когда возникаетъ психическая связь.

единицъ, и если бы тутъ не проявлялъ свою силу, принципъ кооперацiи силъ, не упорядочивалъ внутри самого общества взаимоотношенiя этихъ величинъ, то дѣятельность общества и вся общественная жизнь носила бы хаотическiй характеръ и онѣ, конечно, не сумѣли бы привести ни къ какому культурному результату. Съ совершенствованiемъ формъ общежитiя вообще, совершенствуются и его частныя формы. Кооперацiя силъ, имѣющая мѣсто внутри общества и проявляющаяся въ качествѣ частныхъ организацiй, тоже, стало быть, переживала и переживаетъ эволюцiю*). Но каковы бы ни были формы кооперацiи въ современномъ обществѣ, одно безусловно ясно: кооперацiя силъ и энергiи все болѣе и болѣе принимаютъ форму добровольнаго союза. Внутри-общественныя группы, временныя или историческiя, возникаютъ на почвѣ общности идеи, стремленiй и соцiальнаго положенiя. Изъ нихъ наиболѣе живучими являются тѣ группы, которыя возникаютъ на почвѣ общности соцiальнаго положенiя и идеи и стремленiя которыхъ вытекаютъ изъ яснаго сознанiя своего соцiальнаго положенiя, своихъ задачъ и своей общественной роли. Ихъ мы и называемъ классами. Классы, возникающiе на почвѣ противорѣчивыхъ интересовъ, находятся въ постоянной борьбѣ между собою; отсюда вытекаетъ различiе въ цѣляхъ и средствахъ ихъ борьбы; цѣли и средства класса опредѣляются его положенiемъ, условiями и специфическими чертами его зависимости отъ общихъ условiй жизни и труда. Данная равнодѣйствующая цѣлестремительной работы всѣхъ общественныхъ классовъ въ общей суммѣ и является выраженiемъ даннаго состоянiя культуры и прогресса.

* * *

Одного и того же порядка общественныя силы естественно группируются въ общiя организацiи и ведутъ борьбу за общiя цѣли сообща. Классъ, союзъ, организацiя, если они созданы и развиваются въ нормальныхъ условiяхъ, не поглощаютъ и уничтожаютъ индивидъ, а наоборотъ создаютъ для него самыя лучшiя условiя для наиболѣе продуктивной борьбы за индивидуальность. Главнымъ образомъ такимъ соображенiемъ руководится, конечно, тѣ классы и подъ-классы, жизнь которыхъ находится въ опасности, интересы нарушены и права стѣснены. Индивидъ порою можетъ возвыситься надъ классами и явить собою типъ общечеловѣческаго дѣятеля, но это крайне рѣдкое явленiе, вообще же всякiй индивидъ является въ *культурномъ* отношенiи сыномъ своего общества, а по своимъ стремленiямъ и интересамъ онъ сынъ своего класса. Во всѣхъ крупныхъ общественныхъ движенiяхъ и переворотахъ мы видимъ, что главную роль повсюду играли классы и элементы классовъ, дѣйствующiе группами и массами. Это дѣйствiе группами и массами является какъ бы инстинктивнымъ, безсознательнымъ осуществленiемъ принципа экономiи силъ. Но изъ этого преобладанiя массовой и классовой дѣятельности не слѣдуетъ выводить заключенiя, какъ будто бы въ соцiальномъ движенiи въ частности и въ общественномъ процессѣ вообще роль индивида совершенно ничтожна. Индивидъ, являясь болѣе подвижнымъ, быстрѣе воспринимающимъ и синтетизирующимъ, а также болѣе инициативнымъ, представляетъ собою тотъ ферментъ, который вызываетъ броженiе массы; онъ будитъ массу ускоряетъ его умственное развитiе и дѣломъ и словомъ толкаетъ ее на путь творчества. Роль инициатора можетъ играть не только индивидъ, но и цѣлая группа или организованная часть опредѣленнаго класса. Тутъ-то и возникаетъ соперничество между индивидомъ и группою и ставится вопросъ объ ихъ компетенцiи.**) Точное математическое опредѣленiе компетенцiи группы и индивида и ихъ разграниченiе — задача въ высшей степени трудная, если ея рѣшенiе вообще возможно. Какъ опредѣленная организованная классовая группа говоритъ и дѣйствуетъ отъ имени *всего класса*, не будучи всѣмъ классомъ, такъ и индивидъ говоритъ и дѣйствуетъ во имя той соцiальной категорiи, интересамъ которой онъ служитъ. Но если въ теоретической области этотъ вопросъ о компетенцiи группъ и индивидовъ трудно рѣшить съ полною достовѣрностью, въ области практической можно во всякомъ случаѣ приблизиться къ его болѣе или менѣе удовлетворительному рѣшенiю. Въ смыслѣ созданiя новыхъ общественныхъ формъ индивидъ очевидно не можетъ быть непосредственнымъ творцомъ, онъ долженъ ограничиться ролью идейнаго инициатора, сѣятеля идеи, будителя массы, то примѣромъ, то словомъ, то единоличными актами, входящими въ его компетенцiю. Но какую бы форму ни принимала его дѣятельность, она всегда руководится одною цѣлью—вывести массу на путь творчества. Если теперь принять во вниманiе то, что было сказано нами выше о роли индивида и массы въ соцiальномъ строительствѣ, то примиренiе индивидуальной и массовой дѣятельности представляется не только возможнымъ, но и все болѣе и болѣе осуществляющимся на практикѣ.

Будить массу, сѣять идеи, быть активнымъ инициативнымъ меньшинствомъ, такова же въ сущности и роль группы, какъ бы велика она ни была; что же касается творчества новыхъ формъ общественной жизни, это удѣлъ всей заинтересованной въ общественномъ переворотѣ массы (часто называемой въ нашей литературѣ „народомъ"), которая, какъ бы она ни казалась инертной, въ рѣшительный моментъ вмѣшивается въ дѣло и такъ или иначе рѣшаетъ вопросъ. Отсюда необходимость для всякой реформаторской группы имѣть корни въ народной массѣ, привлечь эту творческую силу на свою сторону, подготовить ее такъ, чтобы она отозвалась на первый серьезный призывъ. Всѣ реформаторы, всѣ реформаторскiя группы и партiи всѣ свои реформаторскiя надежды основываютъ на массѣ или на ея организованной части. Они стараются создать группы и партiи не потому, что думаютъ исключительно своими силами придать жизни новую форму и новое направленiе, а потому, что надѣются, что, если сумѣютъ подготовить массу въ достаточной степени и если своей собственной силой, т. е. силою группы или партiи подадутъ первый соблазнительный примѣръ, то ее можно будетъ увлечь за собою.*) Но, чтобы это было возможно, нужно считаться со стремленiями массы и, слѣдовательно, нужно имѣть свою програму и свои практическiе лозунги извлекать изъ нѣдръ самихъ народныхъ массъ, нужно затѣмъ сроднить ее съ этой програмой и съ этими лозунгами. Чѣмъ больше эта програма и эти лозунги будутъ соотвѣтствовать дѣйствительнымъ интересамъ народной массы, тѣмъ больше надежды, что масса будетъ прислушиваться къ нимъ и въ послѣднюю рѣшительную минуту поможетъ ихъ осуществленiю, при содѣйствiи, конечно, хорошо сплоченнаго, сознательно стремящагося къ своей цѣли инициативнаго меньшинства. Отсюда и писанiе различныхъ програмъ, старанiе популяризировать среди большой массы, собрать вокругъ нихъ какъ можно больше народу. Народъ нуженъ. Если пишутся програмы и заранѣе составляются декреты для возможнаго въ будущемъ революцiоннаго правительства, то каждый хорошо знаетъ, что осуществить ихъ можетъ лишь одинъ народъ. Вслѣдствiе этого преклоненiе передъ массой, даже превращенiе ея въ какую-то мистическую силу и мистическое отношенiе къ ней — явленiе довольно распространенное. Въ трудныя времена не брезгаютъ прибѣгать даже къ самой вульгарной демагогiи. Но въ общемъ не трудно, конечно, различить искреннюю любовь къ массѣ (любовь, которая никогда не льститъ) отъ заинтересованнаго преклоненiя передъ ней ловкаго политикана. Не трудно также отличить програму дѣйствительно народную отъ програмы ложнонародной. Не все то, что рисуется народной идеею, есть дѣйствительно народная идея, не все то, что зовется выраженiемъ стремленiя народныхъ массъ, есть выраженiе народныхъ стремленiй. Такъ мы, напримѣръ, не можемъ признать никакую програму, никакую теорiю выраженiемъ подлинныхъ народныхъ стремленiй, пока историческiй анализъ не покажетъ и не докажетъ, что ихъ источникомъ дѣйствительно являются исконныя стремленiя народныхъ массъ и что они имѣютъ свое начало въ народныхъ движенiяхъ; тѣмъ болѣе, что исторiя съ точки зрѣнiя постановки соцiальнаго вопроса признаетъ лишь два теченiя, два направленiя. Одно изъ нихъ покоится на принципѣ авторитарности, характеризующей его какъ въ области мысли, такъ и въ области практической дѣятельности, это—принципъ дѣятельности *сверху внизъ*, принципъ якобинскiй, государственный. Другое направленiе имѣетъ въ своей основѣ свободу, которая является его характерной чертою какъ въ области мысли, такъ и въ области практической дѣятельности; оно не требуетъ ни послушанiя, ни подчиненiя, оно лишь убѣждаетъ, увлекаетъ, разсчитывая на спонтанейчную самодѣятельность массы. Это — принципъ дѣйствiя *снизу вверхъ*, принципъ противогосударственный, акратическiй или анархическiй. Въ постановкѣ соцiальнаго вопроса мы можемъ руководствоваться

---

*) Metchnikoff op. cit. p. 75.

**) См. Pareto. Individuel et social. Докладъ философскому конгрессу 1903 г.

*) Какъ кто хочетъ использовать движенiе массы, объ этомъ мы поговоримъ подробно въ другой разъ.

только этими двумя принципами, но такъ какъ они другъ друга взаимно исключаютъ, намъ приходится выбирать между ними. Средняго между ними нѣтъ, и всякую попытку примирить ихъ, создать изъ двухъ противорѣчивыхъ принциповъ — третій, который былъ бы какъ бы синтезомъ обоихъ, заранѣе можно признать безплодной, ибо такая попытка не могла бы найти историческаго оправданія. Исторія выставляетъ передъ нашимъ сознаніемъ эти два принципа, предоставляя намъ свободный выборъ между ними. Всмотримся глубже въ исторію и постараемся узнать какой изъ этихъ принциповъ соотвѣтствуетъ истинно народнымъ интересамъ, какой изъ нихъ лучше выражаетъ исконныя стремленія народныхъ массъ.

К. Оргеіани.

О ПРОПАГАНДѢ СРЕДИ КРЕСТЬЯНЪ.

(Замѣтки пропагандиста).

Въ этой статьѣ говорится не о томъ, какъ ведется въ настоящее время пропаганда среди крестьянъ, а о томъ, какъ она должна вестись. Надо, впрочемъ, замѣтить, что кое гдѣ пропаганда велась и ведется отдѣльными лицами такъ, какъ здѣсь изложено.

Вопросъ о томъ, какъ надо пропагандировать, очень сложенъ и распадается на рядъ вопросовъ, главнѣйшіе изъ которыхъ можно изложить слѣдующимъ образомъ: 1) какими основными положеніями долженъ руководствоваться всякій работающій въ крестьянствѣ пропагандистъ безъ отношенія къ тому, кѣмъ онъ является — анархистомъ или государственникомъ; 2) насколько сходно міровоззрѣніе крестьянъ съ идеями анархическаго коммунизма и какъ вести пропаганду, чтобы это сходство міровоззрѣній превратилось въ тождество; 3) можно-ли ограничиться самодовлѣющей пропагандой нашихъ идей или надо связать пропаганду съ какимъ либо ближайшимъ, повседневнымъ дѣломъ; какъ надо вести пропаганду, чтобы наши задачи стали главнѣйшими задачами крестьянства и 4) какую тактику надо рекомендовать крестьянамъ для до-революціоннаго времени и для времени возстанія. Таковы вопросы, на которые даются здѣсь посильные отвѣты.

I.

Всякій пропагандистъ, желающій, чтобы крестьяне серьезно взвѣсили его слова и обсудили ихъ въ своихъ бесѣдахъ, разъ навсегда и безповоротно долженъ отказаться отъ того фантастическаго представленія о крестьянинѣ, которое рисуетъ его человѣкомъ, мыслящимъ поэтическими образами, человѣкомъ, съ удовольствіемъ слушающимъ и воспринимающимъ устную или книжную рѣчь, сказанную на пѣсенный, былинный или сказочный ладъ. Возможно, что такіе крестьяне встрѣчались въ недалекомъ прошломъ, лѣтъ 30—40 тому назадъ, т. е. тогда, когда крестьянство не билось еще въ тискахъ такой безысходной нужды, какъ теперь, когда оно слушало въ дѣтствѣ нынѣ забытыя сказки, когда оно—сытое и отдыхающее—проводило долгіе зимніе вечера, не томясь мыслью о кускѣ хлѣба, а иной разъ гуляя по праздникамъ широкой гульбою. Такой крестьянинъ не имѣетъ ничего общаго съ современнымъ крестьяниномъ—въ этомъ порукой любой пропагандистъ, серьезно работавшій въ деревнѣ. Крестьянину чужда рѣчь сказочника или разсказчика былинъ; ему нельзя читать такія фразы, какъ напр. „пусть каждое село и каждая деревня, затерявшаяся и въ лѣсахъ дремучихъ и въ горахъ высокихъ, увидитъ, наконецъ, ясное могучее солнце свободы,“... „оглянитесь кругомъ, приложите ухо къ землѣ, прислушайтесь,“... „подымитесь, крестьяне и рабочіе, вольной птицей, надъ рѣками, горами и морями, надъ Каспіемъ, надъ матушкой Волгой, надъ Днѣпромъ, надъ Ураломъ, надъ златославой Москвой, надъ Питеромъ! Посмотрите! Всюду возсталъ трудовой людъ!“... „свободной рукой съ плеча онъ будетъ ковать свою долю и черпать въ свободѣ все, что съѣстъ ржавчину его мукъ и возраститъ его счастье“... Оговариваюсь:—лично мнѣ такія выраженія очень нравятся, они вызываютъ у меня желательное для авторовъ чувотво, но они скучны или смѣшны для крестьянина. Такъ онъ никогда не мыслитъ, такъ онъ никогда не говоритъ, а кто говоритъ съ нимъ на такомъ языкѣ, тотъ напоминаетъ ему что-что очень не серьезное:—не то частушку, не то скоморошій ломаный языкъ и,—что всего хуже и опаснѣе для пропагандиста,—*барскій* языкъ, языкъ дармоѣдовъ и бѣлоручекъ.

Подумайте только—крестьянинъ каждое книжное слово, слово той книги отъ которой онъ ждетъ серьезнѣйшихъ совѣтовъ, принимаетъ въ серьезъ-же; онъ берется за книгу или слушаетъ ея чтеніе, готовый вѣрить каждому слову больше, чѣмъ вѣрилъ мало понятному для него священному писанію. И вотъ онъ читаетъ, что ему придется ковать свою судьбу и что-то такое черпать въ свободѣ, причемъ это „что-то“ съѣстъ какую то ржавчину его мукъ. При буквальномъ пониманіи этихъ словъ,—а онъ образами не мыслитъ, что бы ни говорили не знающіе современныхъ крестьянъ писатели,—получается невообразимая чепуха: ковать можно подкову, но не жизнь, черпать въ колодцѣ, а не въ свободѣ, ржавчина бываетъ на желѣзѣ, а не на мукахъ... Вся вышеприведенная фраза—для крестьянина пустая, а потому и скучная фраза. Ни горъ высокихъ, ни лѣсовъ дремучихъ девять десятыхъ, если не больше, крестьянъ—и не видывала ни около своихъ деревень, ни гдѣ бы то ни было; для нихъ непонятно, почему авторъ заговорилъ о горахъ и лѣсахъ; имъ кажется, что рѣчь идетъ о чемъ то чужомъ, далекомъ; солнце никогда не ассоціировалось у крестьянъ (даже у крестьянъ древней Руси) съ понятіемъ воли, этотъ образъ опять таки пропадаетъ для нихъ. Крестьянамъ становится прямо таки смѣшно, когда дается странный совѣтъ приложить ухо къ землѣ и къ чему-то прислушиваться, или предлагается подняться вольной птицей надъ рѣками, горами и морями (надъ городами и деревнями и то было бы плохо), можно ручаться, что пропагандистъ, прочувствованно читающій такія фразы, будетъ не разъ пораженъ взрывами веселаго смѣха и остротъ молодыхъ парней: „эй, дядя Иванъ, тетка Матрена, не хошь-ли полетѣть надъ Ижоркой (рѣкою)?“ Все желаемое настроеніе, если оно сложилось ранѣе, летитъ къ чорту, а догадайся авторъ, забывъ о Каспіѣ, про который и не слыхивали наши рязанцы, посовѣтовать имъ послать ходоковъ въ другія деревни и губерніи для того, чтобы справиться, готовы ли тамошніе крестьяне поднять возстаніе, а если нѣтъ, то спросить ихъ, чего они ждутъ,—догадайся онъ попросту поговорить съ ними, крестьяне, пожалуй бы, и послали ходоковъ-гонцовъ и быть можетъ изъ его совѣта получилось бы больше толка, чѣмъ онъ самъ разсчитывалъ.

Крестьянинъ жадно ищетъ выхода изъ своего положенія, нерѣдко ожидаетъ и совѣта, но не иначе, какъ отъ глубоко серьезныхъ людей, серьезныхъ въ его мужицкомъ пониманіи этого слова, отъ людей, которыхъ онъ мѣряетъ по своему образцу. Ему—суровому, изъ силъ выбивающемуся работнику, ему — полуголодному, съ тревогой думающему о голодѣ своей семьи,—не до поэтическихъ образовъ.

Никогда и нигдѣ не говорятъ крестьяне тѣмъ языкомъ, который навязывается имъ въ вольной прессѣ. „Работаю я у купца фабриканта на его фабрикахъ проклятыхъ 10, 11 а то и 12 часовъ въ сутки, изматываю свою силу,—свѣта дневнаго не видя, а взамѣнъ за этотъ трудъ окаянный, что сушитъ грудь и кости и до времени въ могилу гонитъ, даетъ мнѣ купчикъ-голубчикъ, поглаживая брюшко круглое, со своего стола сытаго кроху хлѣба черстваго, а водицы, сколько хочешь“... Никогда не говоритъ такъ крестьянинъ-рабочій; это не мужицкая рѣчь: никогда мужикъ не говоритъ такъ складно, никогда не назоветъ труда окаяннымъ (каторжнымъ—назоветъ), никогда не назоветъ фабриканта купчикомъ-голубчикомъ, никогда не скажетъ, что трудъ сушитъ кости (что сушитъ грудь—скажетъ); скажетъ „рядились по 40 коп.“ или что либо въ родѣ этого, но ни о какихъ крохахъ говорить не будетъ. Не въ томъ бѣда, что авторъ не знаетъ мужицкаго языка, можно говорить съ крестьяниномъ и книжнымъ, но простымъ языкомъ, а въ томъ, что онъ свои, да къ тому же еще дѣланныя фразы вкладываетъ въ уста мужика, и получается сказка, выдуманный мужикъ съ выдуманными рѣчами. Не зная, какъ говоритъ мужикъ, надо говорить отъ своего имени, но и при этомъ необходимо отказаться отъ сказочнаго склада, такъ какъ съ этимъ складомъ у крестьянъ ассоціируется несерьезное отношеніе къ словамъ. Сочинили себѣ мужика, для этого мужика и пишутъ, пишутъ какимъ то давно уже не слыханнымъ на Руси языкомъ! Надо писать не для опереточнато мужика, живущаго лишь въ мірѣ фантазій, а для мужика съ мозолями на рукахъ и ногахъ, полуголоднаго, живущаго въ избѣ, полной таракановъ, блохъ и клоповъ, въ невозможномъ воздухѣ, для мужика, который пропитъ жизнью и не нуждается въ томъ, въ чемъ нуждается буржуа, заплывшее жиромъ сердце котораго ждетъ, чтобъ его разстрогали господа поэты. Вся эта поэзія, б. м., хороша для молодой интеллигенціи: б. м. студентъ или курсистка тронутся такими словами, а мужикъ въ одно ухо впуститъ

такія рѣчи, въ другое выпустить, такъ какъ онъ идетъ отъ книги не ламентацій, не поэтическихъ образовъ, а простыхъ, ясныхъ, обыденной правдой звучащихъ совѣтовъ.

Плохо пишутъ для народа и с.-р. Правда, ихъ деревенскіе работники давно дали директивъ писать для народа безъ поэтической лжи, но ихъ литераторамъ нечего сказать народу, они говорятъ съ нимъ (въ настоящее время, время позднаго поправѣнія с.-р.) о своихъ дѣлахъ, а не о дѣлахъ народа. На учредительномъ собраніи (этомъ новомъ баринѣ—„баринъ вотъ пріѣдетъ, баринъ насъ разсудитъ") далеко не уѣдешь. Помимо этого, такъ какъ партійная литература монополизирована у с.-р. центромъ и иже съ нимъ, а эти господа видѣли мужиковъ только издали, то они и пишутъ для крестьянъ, употребляя абстрактныя выраженія, изъ которыхъ далеко не худшимъ является такое, какъ „углубленія самосознанія трудовыхъ массъ" и, страннѣе всего, въ книжкахъ для народа говорится иной разъ не о томъ, что надо дѣлать крестьянамъ, а о томъ, что с.-р. надо дѣлать въ крестьянствѣ. Впрочемъ, только немногими с.-ровскими изданіями, главнымъ образомъ изданіями, выпущенными до 1906 года, можно пользоваться для пропаганды въ крестьянствѣ.

Въ русскомъ крестьянствѣ сильно тяготѣніе къ поискамъ правды—„справедливаго житія". Гнетущая бѣдность не убила такого стремленія; быть можетъ, она дала ему болѣе широкое основаніе, чѣмъ то, которое имѣлось раньше. „Въ народѣ сильно нравственное ученіе", писалъ Л. Н. Толстой, и нерѣдко легче сойтись съ крестьяниномъ, начавъ съ указанія на необходимость послужить общему дѣлу, чѣмъ съ указанія на то, что ему самому надо быть сытымъ, хорошо одѣтымъ и пр. и пр. Связать естественное стремленіе къ обезпеченной жизни со стремленіемъ избавить и другихъ страдающихъ отъ лишеній, всю тяжесть которыхъ крестьянинъ знаетъ не по наслышкѣ, а по личному опыту,—связать то и другое стремленіе неразрывными нитями—такова задача умѣлаго пропагандиста. Смотря по обстоятельствамъ, приходится начинать пропаганду то говоря о личныхъ интересахъ крестьянина, то объ общей выгодѣ. Нерѣдко приходится начинать съ разговора о необходимости захватить землю и помѣщичій инвентарь для того, чтобы не болѣть съ голода, причемъ болѣе, чѣмъ важно,—безусловно необходимо,—обосновать справедливость предлагаемаго захвата; но пропаганда не обрывается на этомъ: пропагандистъ-практикъ не можетъ остановиться на изложеніи того, что крестьяне и безъ него знаютъ; необходимо дать новые, неизвѣстные данной группѣ крестьянъ доводы въ пользу такого захвата; мало этого, необходимо освѣтить сдѣланное предложеніе съ какой-либо непредвидѣнной крестьянами стороны и освѣтить такъ, чтобы у крестьянъ создался новый, не логическій такъ сказать, а нравственный доводъ въ пользу необходимости завоеванія земли. Такъ напр. надо указать, что захватъ земли, даже при индивидуалистическихъ хозяйствахъ, долженъ (не только „можетъ", а именно „долженъ") сопровождаться такимъ ея распредѣленіемъ, при которомъ сироты, старики, калѣки, многодѣтныя вдовы не терпѣли бы ни холода, ни голода, не страдали бы отъ тѣхъ лишеній, какія испытываютъ въ настоящее время; надо указать, что имъ тоже необходимо дать надѣлы, отвести послѣдніе къ одному мѣсту и сообща—міромъ взятымъ у помѣщиковъ инвентаремъ обработывать для нетрудоспособныхъ отведенный такимъ образомъ участокъ. Подчеркивая справедливость такихъ порядковъ, можно указать крестьянину, что и его дѣти могутъ осиротѣть, что онъ самъ можетъ потерять трудоспособность, дожить до глубокой старости, переживъ своихъ родныхъ, что такое устройство желательно для всякаго. Въ другихъ случаяхъ, начинаешь совсѣмъ иначе:—заводишь разговоръ о томъ, что не хорошо оставлять сиротъ и вдовъ нищенствовать, что надо и для нихъ отвести надѣлъ. Получая отвѣтъ, что для этого нужна земля, которой и безъ того мало, и инвентарь, котораго не хватаетъ, естественно приходишь къ вопросу о захватѣ помѣщичьей, а затѣмъ и всей земли, къ тому, что такой захватъ неизбѣженъ и справедливъ, и все таки кончаешь настойчивымъ совѣтомъ, подѣливъ землю по ѣдокамъ (если крестьяне не согласны на артельный трудъ), устроить для нетрудоспособныхъ общественную запашку, которая нами разсматривается, какъ ячейка артели—общины, тамъ, гдѣ послѣдняя, не смотря на всѣ наши усилія не возникнетъ непосредственно послѣ возстанія. При такой постановкѣ пропаганды, крестьянина невозможно сбить съ разъ занятой имъ позиціи,—съ увѣренности, что землю надо взять, что нельзя ограничиться одними разговорами о томъ, что ее выгодно взять или надеждой на то, что ее дастъ царь или учредительное собраніе. Личное дѣло, освѣщается здѣсь близкимъ, но общимъ, хорошимъ дѣломъ; крестьянинъ въ полномъ смыслѣ слова—до глубины души, до фанатизма—проникается идеей не только полезности и справедливости, но и идеей величія земледѣльческаго движенія.

То, что являлось главнымъ препятствіемъ при пропагандѣ анархистовъ 70-хъ годовъ,—вѣра въ царя, какъ будущаго благодѣтеля крестьянъ,—эта вѣра въ настоящее время пропала. Тѣмъ не менѣе, кое гдѣ сохранились еще глухія деревушки, гдѣ не одни только кулаки, но и рядовые крестьяне чего-то ждутъ отъ царя, надѣются на царскую милость и доброту. Намъ—людямъ прямого дѣла, намъ—являющимся вспомогательными, развѣдочными и прокладывающими дорогу отрядами воиновъ социальной революціи—нѣтъ надобности возиться съ этими отсталыми крестьянами. Волна распропагандированнаго крестьянства очень скоро захлеснетъ ихъ, снесетъ эту обманчивую надежду; во всякомъ случаѣ не въ рядахъ бѣдныхъ крестьянъ встрѣтимъ мы враговъ народнаго возстанія, а такъ какъ часъ послѣдняго очень близокъ, то пропагандистъ можетъ идти туда, гдѣ онъ можетъ принести возможно больше пользы; ему приходится идти по линіи наименьшаго сопротивленія. Работа въ рядахъ того многомилліоннаго крестьянства, которое считаетъ царя врагомъ народа, является болѣе плодотворной, чѣмъ работа въ средѣ крестьянства, не раздѣляющаго настроенія громаднаго большинства сельскаго населенія. Только что сказанное не исключаетъ ни работы въ мало-сознательномъ крестьянствѣ (мало ли куда забрасываетъ случай), ни сообщенія сознательнымъ крестьянамъ новыхъ для нихъ фактовъ, рисующихъ роль царя въ ея истинномъ значеніи.

Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, скажемъ нѣсколько словъ о пропагандистахъ-анархистахъ. Не мѣшаетъ выяснить, необходимо или, наоборотъ, вовсе не нужно идти къ крестьянамъ подъ нашей иностранной кличкой „анархистовъ-коммунистовъ", т. е. подъ кличкой, чрезвычайно непривычной для русскаго уха, разъ дѣло идетъ о крестьянахъ, въ средѣ которыхъ безграмотныхъ втрое болѣе, чѣмъ грамотныхъ, причемъ даже послѣдніе отчаянно коверкаютъ иностранныя слова. Поставленный нами вопросъ важенъ, но не принципіаленъ: каждый можетъ, понятно, поступать, какъ хочетъ. Мнѣ, напр., приходилось работать среди старообрядцевъ поморскаго толка и я искренно совѣтую тому, кому придется работать въ этой и ей подобныхъ группахъ крестьянства, говорить съ ними, не употребляя ни одного иностраннаго многосложнаго слова. Въ избѣжаніе самыхъ неожиданныхъ недоразумѣній несомнѣнно практичнѣе называться нашимъ русскимъ именемъ—„вольными общинниками", или не называться никакъ. Замѣтимъ кстати, что сами крестьяне прозвали крестьянъ-коммунистовъ Тамбовской, а затѣмъ бывшей Ленкоранской нынѣ Бакинской губерніи словомъ „общіе"; не имѣющіе начальства поселенія и артели назывались ими „вольными".

„Я съ сомнѣніемъ гляжу на анархиста, который не хочетъ называться анархистомъ", приблизительно такъ говоритъ одинъ изъ нашихъ теоретиковъ, и я хорошо понимаю его, разъ рѣчь идетъ о работѣ среди интеллигенціи и части городского населенія, но это не мѣшаетъ мнѣ сказать въ свою очередь: „Я съ тревогой гляжу на анархиста, который во что бы то ни стало хочетъ называть себя анархистомъ-коммунистомъ", и было бы желательно, чтобы эти слова были тоже поняты. Для членовъ политическихъ партій, выставляющихъ или думающихъ когда либо выставлять изъ своей среды кандидатовъ въ законодатели, для партійныхъ людей, мечтающихъ о роли вожаковъ для себя или о томъ, что ихъ вожди поведутъ народъ на поводу—для этихъ лицъ „кличка" очень важна. Во первыхъ, они отдѣлились отъ народа, ушли въ „партію", и этой партіи надо отграничиться отъ другихъ партій, во вторыхъ, для нихъ очень важно пропагандировать кличку, такъ какъ сущность ученія партійныхъ соціалистовъ всѣхъ оттѣнковъ, путемъ всякихъ компромиссовъ съ буржуазіей и правительствомъ, улетѣла въ заоблачныя высоты, но названіе осталось въ качествѣ знамени, необходимаго при разговорѣ съ народомъ. Это знамя прикрываетъ совсѣмъ не тѣ цѣли, къ которымъ шли когда-то нынѣ партійные соціалисты, но „знамя—названіе" позволяетъ народу приписывать партіямъ такія задачи, о которыхъ эти партіи и не заикаются, такъ напр. и теперь еще встрѣчаются рабочіе, которые думаютъ, что с.-р. и с.-д., т. е. партіи, боящіеся на-

родной соціальной революціи больше всего на свѣтѣ, работаютъ для этой революціи. Мы же проповѣдуемъ сущность нашего ученія, о роли вожаковъ не думаемъ, политической партіей никогда не будемъ, гдѣ бѣдняки—тамъ и мы,—и кличка является для насъ третьестепеннымъ дѣломъ. Гдѣ важно подчеркнуть нашу иностранную кличку (напр. среди рабочихъ нѣкоторыхъ городовъ при распространеніи нашей литературы, страницы которой пестрятъ словами „анархистъ“ „коммунистъ“), тамъ и будемъ дѣлать это; гдѣ она мѣшаетъ, замѣнимъ ее русскимъ названіемъ, требующимъ меньше усилій памяти и не подвергающимся такому коверканію, какъ клички, заимствованная у иностранцевъ. А гдѣ и этого не надо, гдѣ крестьяне относятся къ пропагандисту просто какъ къ умному и хорошему человѣку, вовсе не интересуясь его политической школой,—тамъ предоставимъ самимъ крестьянамъ дать намъ кличку и постараемся своимъ поведеніемъ сдѣлать такъ, чтобы она была почетной. Я съ тревогой смотрю на анархиста, который всегда и вездѣ носится со своей кличкой, такъ какъ боюсь, не является ли это упорство отраженіемъ опасной психологіи партійнаго человѣка, не является-ли для него кличка, имя, группа людей, объединившихся подъ этой кличкой, дороже самаго дѣла—дѣла пропаганды нашего ученія, дѣла организаціи боевыхъ силъ для возстанія.

II

Даже отъ коллективистовъ-государственниковъ приходится иной разъ слышать, что крестьяне являются въ сущности анархистами, что идея коллективизма, такъ же какъ и идея государственности, плохо прививается въ крестьянской средѣ. Разъ только с.-р. или с.-д. переходитъ отъ критики существующихъ порядковъ къ описанію прелестей парламентскаго режима, -- крестьяне начинаютъ скучать. Крестьяне не являются принципіальными, въ нашемъ смыслѣ этого слова, противниками парламентаризма: они просто мало интересуются имъ, недовѣрчиво (чисто по крестьянски) относясь къ разнымъ обѣщаніямъ и зная, что отъ выборовъ до „земли и воли“ лежитъ громадное разстояніе, которое не ими будетъ пройдено. Идутъ выборы въ Думу, выбираютъ и крестьяне, такъ какъ „мы отъ міра не прочь“, „какъ люди, такъ и мы“, „кто его знаетъ, быть можетъ о землѣ какая ни то развязка будетъ“ и т. д. и т. д. Интересовались они только тѣмъ, что говорили въ Думѣ насчетъ земли, а теперь и этимъ не интересуются; впрочемъ не только теперь, но и до третьей Думы ихъ мысли были гдѣ-то въ сторонѣ отъ нашего парламента: пошлой мишурой парламентской борьбы кто-кто, а крестьяне менѣе всѣхъ увлекались; тѣмъ же, что говорили депутаты о землѣ, они интересовались, какъ интересовались до Думы разговорами на эту тему пришедшихъ изъ Питера и Москвы отставныхъ солдатъ... и только. Никогда не возлагало крестьянство своихъ надеждъ на Думы, не возлагаетъ на нихъ своихъ упованій и въ настоящее время. Что ни говорите имъ о настоящей Думѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, какъ ни называйте ее — Учредительнымъ Собраніемъ, Земскимъ Соборомъ или какъ нибудь иначе—на суровыхъ и истомленныхъ лицахъ крестьянъ не мелькнетъ и тѣни одобренія. Они прислушиваются къ рѣчамъ о томъ, что Дума, если пожелаетъ большинство депутатовъ, можетъ дать имъ и землю и волю, но вмѣстѣ съ тѣмъ они прекрасно знаютъ, во что превращаются ихъ выборные, попавшіе даже на маловажныя должности, и отнюдь не увлекаются рисуемой перспективой. Указанія на то, что Дума дастъ землю, встрѣчаютъ у нихъ такое же отношеніе, какъ разсказы странника о томъ, что китайскій царь обѣщаетъ дать землю, что русскій царь объявитъ войну для того, чтобы поменьше стало народа и т. п. Серьезныхъ надеждъ крестьяне на Думу не возлагаютъ; они или прямо ничего не ждутъ отъ нея или сомнѣваются: „кто его знаетъ... оно бы хорошо, ежели что насчетъ земли, а вѣрнѣе, что ничего не будетъ“. „Что Дума? царь и тотъ барскимъ прихвостнемъ оказался, а депутаты, что 10 цѣлковыхъ въ день получаютъ, врядъ ли что сдѣлаютъ. Ну, выберемъ кого получше, клятву съ него возьмемъ, да что толку? Вонъ Никита—золото мужикъ былъ, прямо мірской радѣтель, а попалъ въ старшины—первцымъ воромъ, обидчикомъ и міроѣдомъ сталъ“. Какъ хотите распинайтесь передъ крестьянами,—нѣтъ у нихъ вѣры въ парламентъ—-эту барскую, съ верховъ рекомендованную, имъ чуждую затѣю. Удивляться здѣсь нечему — никогда и нигдѣ не видѣлъ крестьянинъ добра отъ власти. Мы не говоримъ здѣсь о полиціи, о судьяхъ и чиновникахъ: отъ своихъ собственныхъ выборныхъ онъ всегда и вездѣ получалъ только злое; грубо-циничная или ухлончиво мягкая измѣна народнымъ интересамъ всегда шла рука объ руку съ выборной властью. Выбранныя крестьянами лица въ теченіе вѣковъ измѣняли народу, строили свое благополучіе на предательствѣ мужицкихъ интересовъ. Развращеніе властью наблюдалось въ Россіи, быть можетъ, болѣе, а во всякомъ случаѣ не менѣе, чѣмъ гдѣ либо. Нынѣшнее сельское и волостное начальство, волостные судьи, гласные земствъ—всѣ они моментально развращаются возможностью наживы, соприкосновеніемъ съ міромъ зажиточныхъ и властныхъ людей. Весь накопленный крестьянствомъ историческій опытъ, все сложившееся міровоззрѣніе крестьянъ учитъ послѣднихъ, что возлагать надежды на выборныхъ — не только сомнительное, но и пустое дѣло. Надо помнить, что враждебныя народу силы всегда опирались въ Россіи на народныхъ же выборныхъ: даже умный помѣщикъ имѣлъ у себя выборнаго крестьянами старосту. Всѣ эти выборные, какъ бы они ни назывались, творили волю не пославшихъ ихъ, а тѣхъ, кто стоялъ по своей силѣ и богатству надъ ними и ихъ пославшими; эти выборные творили волю татарскихъ баскаковъ, московскихъ царей, воеводъ, бояръ, помѣщиковъ, вплоть до современныхъ купцовъ, кулаковъ, фабрикантовъ, исправниковъ, земскихъ начальниковъ и урядниковъ. Никакой управы на нихъ народъ не находилъ и не могъ найти: за нихъ, за этихъ выборныхъ всегда стояла вооруженная властными и богатыми людьми дисциплинированная и организованная сила. Крестьяне знаютъ, чего стоили ихъ выборные и, разумѣется, не ошибаются, перенося свои взгляды со старыхъ выборныхъ на вновь рекомендуемую разновидность послѣднихъ—на господъ депутатовъ, и ужъ, конечно, не мы, разобравшіеся въ подоплекѣ парламентаризма, будемъ внушать имъ ложное представленіе о творческой роли депутатовъ, которыхъ немедленно охватитъ атмосфера властнаго разврата и разврата богатства. Но дѣло не только въ этомъ, не въ однихъ урокахъ исторіи. Дѣло въ томъ, что крестьянинъ не можетъ представить себѣ, для чего нужна ему власть, на что способна она даже въ томъ случаѣ, если захочетъ что либо сдѣлать именно для него, а не для своихъ близкихъ. Если крестьяне сами рѣшаютъ вопросъ о томъ, что имъ надо; если этотъ вопросъ не рѣшается за нихъ Столыпинымъ, Пуришкевичемъ, с-ромъ или с.-д-комъ, они неизбѣжно приходятъ къ выводу, что отъ власти имъ буквально ничего не надо. Не нужно имъ, по ихъ глубокому убѣжденію, ни арміи, ни флота, ни сенатовъ, ни судебныхъ палатъ, ни остроговъ, ни учрежденій для сбора податей, ни полиціи, ни таможни, ни Столыпина съ его висѣлицами, ни Гурко съ Лидвалемъ, ни охраны публичныхъ домовъ, ни другихъ глупостей и злодѣйствъ, которыми заняты власти предержащія. Все, что ему надо—и онъ прекрасно понимаетъ это, онъ самъ можетъ добыть, только бы власть не становилась поперекъ дороги. Крестьянину прежде всего нужна земля — пусть только власть не мѣшаетъ, и онъ откроетъ ее; крестьяне знаютъ уже, что именно они, народъ, кормятъ все начальство, что именно они, а не власти, дѣлаютъ все то, что нужно для жизни — строятъ дороги, мосты, избы, ткутъ одежду, добываютъ пищу, что начальство тутъ ни при чемъ. Крестьянину чуждо то глубоко ненаучное, лживое и нелѣпое разсужденіе, что власть является необходимымъ организаторомъ народной дѣятельности. Ничего отъ власти крестьянинъ не ждетъ, не можетъ и не хочетъ ждать. Ему нужно только одно, чтобы власти не было, чтобы она не мѣшала ему. Разумѣется, разъ отъ нея нельзя отдѣлаться, съ нею надо считаться:—вмѣсто наглаго вора старшины Ивана надо посадить старшиной Петра, который будетъ, быть можетъ, меньше воровать. Отчего не выбирать и въ Думу: кто знаетъ, быть можетъ новое начальство будетъ душить поменьше стараго, а насчетъ земли... ну, это совсѣмъ сомнительно: „авось... да нѣтъ! гдѣ ужъ!“ Представить себѣ власть въ творческой роли крестьянинъ не можетъ и, конечно правъ: она лишена творческой силы.

Короче: если бы на бѣломъ свѣтѣ не существовало анархическихъ теорій, то, исходя изъ міровоззрѣнія крестьянскаго населенія Россіи, неизбѣжно пришлось бы создать ихъ.

Крестьянинъ является анархистомъ и въ экономикѣ. Прежде всего онъ анархистъ по *своимъ*, имъ созданнымъ пріемамъ экономической борьбы. Откройте послѣдній выпускъ „Народнаго дѣла“ (изданіе партіи с.-р., 1909), прочтите, какъ относятся крестьяне къ помѣщичьей собственности, какъ берутъ они помѣщичій инвентарь, помѣщичій хлѣбъ и пр. и пр. и дѣлятъ все

это между собою во время аграрныхъ движеній, и вы удивитесь, какъ это с.-р., считающіе себя выразителями крестьянскихъ желаній и до послѣдняго времени (теперь—не разберешь), какъ партія (къ сожалѣнію именно, какъ партія), стоявшіе за соціализацію земли путемъ возстанія, не включили въ рекомендуемую ими тактику прямого захвата помѣщичьяго инвентаря.

Но не въ этомъ сущность крестьянскаго экономическаго анархизма нашей ан.-к. школы. Она лежитъ во первыхъ въ рѣзко отрицательномъ отношеніи ко всякому минимализму (объ этомъ рѣчь будетъ ниже), а во вторыхъ въ рѣзко индивидуалистическихъ и ярко коммунистическихъ тенденціяхъ крестьянства. Я не оговорился и не смѣшиваю понятій: крестьянскій индивидуализмъ не имѣетъ почти-что ничего общаго съ индивидуализмомъ буржуазіи, а тѣмъ болѣе съ ницшеанствомъ или даже индивидуализмомъ Штирнера. Отъ крестьянскаго рѣзко выраженнаго индивидуализма рукой подать до коммунизма какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, когда такой переходъ считается желательнымъ нашей школой; въ этихъ случаяхъ онъ естественно переходитъ въ коммунизмъ и остается самимъ собою, т. е. индивидуализмомъ, — какъ разъ тогда, когда отказъ отъ него грозитъ порабощеніемъ личности. Для того, чтобы быть понятымъ, начну издалека.

Крестьяне, кромѣ рѣдкихъ случаевъ (послѣдніе, впрочемъ, не такъ исключительны, какъ принято думать), ведутъ не артельныя, а отдѣльныя сельскія хозяйства. Причины, мѣшающія имъ объединиться въ артели-общины, сводятся къ неравномѣрному распредѣленію сельско-хозяйственнаго инвентаря по дворамъ, къ невозможности, при условіи ожесточенной нужды, поставить артельное хозяйство такъ, чтобы всѣ были сыты, одѣты, обуты и пр., къ тому, что устройство такой артели является для задолжавшихся крестьянъ безсмыслицей, такъ какъ весь излишекъ, который получится отъ того, что кооперація подниметъ производительность труда, пойдетъ на пользу начальства, которое сразу взыщетъ недоимки и не допуститъ, ихъ въ пользу землевладѣльца, который подниметъ арендную плату, въ пользу капиталиста, эксплуатація котораго будетъ сопряжена съ меньшимъ рискомъ и т. д. и т. д.

Итакъ крестьяне ведутъ индивидуалистическія хозяйства, и кромѣ того крайне враждебно относятся къ казарменной жизни; крестьянина не соблазнишь самой благоустроенной казармой, онъ сторонникъ отдѣльной избы—„хоть щей горшокъ (и только), да самъ большой. Никакими разговорами не убѣдишь его, что жизнь батрака въ благоустроенномъ имѣніи является болѣе „желательной, чѣмъ крестьянская, хотя бы полуголодная жизнь. Дѣло сводится здѣсь не только къ независимости при работѣ, но и къ отдѣльной избѣ — къ независимости въ жизни. Нельзя говорить съ крестьянами и о фаланстерахъ, которые, къ слову сказать, вовсе не нужны въ будущемъ обществѣ.

А. А.

(Оконч. въ слѣд. номерѣ.)

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

Испанія и Швеція.

Что такое колоніальная политика? Ничто иное, какъ захватъ земель, на которыхъ живутъ такъ называемые дикари или нецивилизованные народы, капиталистами такъ называемыхъ цивилизованныхъ государствъ.

Подъ предлогомъ цивилизація капиталисты отправляютъ то въ ту, то въ другую отдаленную страну своихъ рабочихъ и крестьянъ, одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры. Эти солдаты, отупленные дисциплиной, патріотизмомъ и казарменной жизнью, грабятъ, убиваютъ, насилуютъ туземцевъ „дикой“ страны и увеличиваютъ територію капиталистическаго отечества завоеваніемъ новой области. Послѣ военщины появляются инженеры и всякаго рода техники, и они организуютъ эксплуатацію естественныхъ богатствъ страны. Оставшіеся въ живыхъ „дикари“ становятся „цивилизованными“ рабочими, обязанными подъ кнутомъ европейцевъ работать до смерти за самую ничтожную плату. Вмѣстѣ съ инженерами появляются продавцы спиртныхъ напитковъ, и эти „апостолы цивилизація“ доканчиваютъ завоеваніе страны, отравляя мало-по-малу водкой, ромомъ и тому подобными издѣліями туземное населеніе.

И если капиталистъ нуждается въ „рабочей силѣ“, продавцы человѣческаго мяса отправляютъ въ колоніи безработныхъ Индіи и Китая, которые только на мѣстѣ замѣчаютъ, какъ нагло ихъ обманули, но которые все таки обязаны работать до окончанія своего „контракта“.

И въ то время, какъ солдаты убиваютъ мущинъ, раздробляютъ головы ребятамъ, насилуютъ женщинъ, прививаютъ имъ венерическія болѣзни; и въ то время, какъ инженеры и купцы, каждый по своему, цивилизуютъ „звѣрей“, капиталисты наполняютъ спокойно золотомъ свои сундуки и послѣ роскошныхъ обѣдовъ ищутъ новыя средства для усиленія своего могущества надъ своими „соотечественниками“, надъ классомъ рабочихъ и крестьянъ.

* * *

Испанія — конституціонная страна на русскій ладъ, т. е. тамъ существуетъ парламентъ, гдѣ засѣдаютъ кое какіе господа, но управляетъ въ сущности король Альфонсъ XIII, который по тупоумію, по жестокости и по подлости не уступаетъ нисколько нашему божьему помазаннику Николаю II. Экономическая организація Испаніи подобна организаціи всѣхъ прочихъ странъ: рабочіе и крестьяне производятъ все необходимое для жизни и живутъ въ невѣжествѣ, рабствѣ и нищетѣ, а капиталисты, собственники, правители не производятъ ничего и живутъ въ роскоши и довольствѣ. Тамъ, какъ и вездѣ, благодаря существованію частной собственности, одинъ грабитъ другихъ подъ предлогомъ налоговъ, ренты, процентовъ, аренды, купли, продажи, заработной платы. Но тогда какъ въ другихъ странахъ эксплуатируемые ограничиваются лишь робкими жалобами на свою плохую долю или же легально-вѣжливыми просьбами о какихъ нибудь скромныхъ реформахъ, въ Испаніи классовая борьба принимаетъ отъ времени до времени характеръ дѣйствительной борьбы, т. е. вооруженнаго возстанія.

Для водворенія порядка существуетъ конечно полиція, судьи и въ особенности армія, которая, какъ и вездѣ, подъ предлогомъ защиты отечества, защищаетъ интересы капиталистическаго класса. Кромѣ этихъ водворителей спокойствія и тишины, необходимой для эксплуатаціи одного класса другимъ, существуетъ еще въ Испаніи особый корпусъ жандармеріи, который отличается отъ своихъ собратій другихъ странъ тѣмъ, что съ малолѣтства сынъ жандарма обучается „ремеслу“ своего отца, онъ становится такъ сказать наслѣдственно жандармомъ и съ раннихъ лѣтъ пропитывается жандармской психикой.

Составляя особую породу людей — нѣчто въ родѣ нашихъ россійскихъ молодцовъ-казаковъ — испанскіе жандармы составляютъ самый вѣрный оплотъ эксплуатаціи, рабства и невѣжества.

Какъ и во всѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ конкурренціи между политическимъ шарлатанствомъ и религіознымъ и гдѣ борьба за первенствующую роль между политиками и духовенствомъ не вытѣснила этихъ послѣднихъ, религіозное шарлатанство сильно развито въ Испаніи. Въ этой странѣ инквизиціи попы, монахи, продавцы загробныхъ блаженствъ, проповѣдники смиренія и покорности, шарлатаны и служители созданнаго невѣжественнымъ воображеніемъ первобытныхъ людей бога, въ этой странѣ святое духовенство кишмя кишитъ.

Являясь, какъ и вездѣ, опорой эксплуатаціи, рабства, невѣжества и насилія одного класса надъ другимъ, эти шарлатаны эксплуатируютъ народъ, эти жандармы мысли и чувства ненавидятъ всякое проявленіе свободной идеи и не останавливаются ни передъ чѣмъ для водворенія порядка и тишины въ области мышленія и морали. Народъ ихъ боится и ненавидитъ и при случаѣ поджигаетъ ихъ монастыри и ихъ божьи лавки-церкви, какъ это было во время іюльскаго возстанія, происшедшаго въ этомъ году въ Барцелонѣ и во всей провинціи Каталоніи.

* * *

Барцелонское возстаніе было вызвано колоніальной политикой испанскихъ капиталистовъ, которые сообща съ французскими и нѣмецкими капиталистами цивилизуютъ Марокко.

Случилось, что жители марокской области Рифа, защищая свои земли и свободу, нанесли сильное пораженіе испанской арміи. Было убито много солдатъ, было пролито много крови. Но такъ какъ капиталисты сами не воюютъ, но посылаютъ на бойни своихъ рабочихъ и крестьянъ, и такъ какъ жизнь рабочихъ не представляетъ для капиталистовъ никакой цѣнности, испанскіе банкиры, фабриканты и собственники рѣшили послать въ Марокко новыя войска, и для этой цѣли отданъ былъ приказъ запаснымъ явиться въ казармы. Призывъ запасныхъ на службу вызвалъ въ

Каталоніи сильное негодованіе среди мужескаго населенія и въ особенности среди женщинъ. И когда правительство разстрѣляло нѣсколько солдатъ за пѣніе „Интернаціонала“ и за крики „долой войну“, это негодованіе перешло въ открытое возстаніе. Была объявлена немедленно всеобщая забастовка. Толпы рабочихъ вышли на улицы. Произошли стычки съ полиціей, построены были баррикады, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней почти вся Каталонія находилась въ рукахъ рабочихъ.

Вотъ какъ описываетъ эти событія одинъ испанскій товарищъ въ французскомъ анархическомъ органѣ „Les Temps Nouveaux“: „Забастовка была дѣйствительно всеобщей и абсолютной въ большихъ промышленныхъ городахъ, какъ Барцелона, Бадалона, Мадоро и т. д. и во многихъ менѣе важныхъ городахъ. Въ Барцелонѣ, Сабадели, Тарасѣ и въ особенности въ Мадоро народное негодованіе было очень сильное и въ этихъ городахъ произошли стычки между народомъ и жандамеріей. Въ Сабадели и Мадоро народъ обезоружилъ жандармерію, захватилъ мэріи, поджегъ церкви и монастыри и объявилъ республику. Въ Барцелонѣ весь рабочій народъ, мущины, женщины, дѣти и старики, защищаясь съ револьверами въ рукахъ противъ жандармеріи, воздвигли баррикады въ своихъ кварталахъ и въ центрѣ стараго города. Народъ, захватилъ оружіе находившееся въ оружейныхъ магазинахъ, револьверы были отобрэны у городской полиціи и сильныя баррикады мѣшали жандармеріи проникнуть на оружейную фабрику, гдѣ находилось около 7,000 ружей. Въ продолженіе 27, 28 и 29 іюля перестрѣлка была очень сильна; но она уменьшилась, когда правительство пустило въ ходъ войска. Съ цѣлью добыть оружіе народъ захватилъ монастыри, и въ самомъ дѣлѣ тамъ было найдено много оружія. Нѣкоторые монастыри защищались, и монахи стрѣляли въ народъ. Рабочіе подожгли монастыри и церкви, и по оффиціальнымъ отчетамъ 80 церквей было сожжено во всей Каталоніи. Народный гнѣвъ не щадилъ эти оплоты реакціи, но какъ замѣчаетъ сама клерикальная пресса, народъ не трогалъ тѣхъ монаховъ, которые искали убѣжища въ частныхъ домахъ.

Жандармерія и полиція ужасно свирѣпствовали, стрѣляли въ мирныхъ гражданъ, убивали ночью тѣхъ, кто проходилъ по широкимъ улицамъ, гдѣ невозможно было построить баррикадъ и которыя находились слѣдовательно въ рукахъ правительства. Изъ балконовъ общественныхъ зданій они стрѣляли въ окна частныхъ домовъ и убивали людей въ ихъ же домахъ. Въ началѣ возстанія солдаты братались съ народомъ, но новыя войска, посланныя правительствомъ, стрѣляли въ революціонный народъ. Артиллерія стрѣляла изъ пушекъ по баррикадамъ, рабочимъ домамъ и многіе рабочіе были убиты. До чего дошла ярость жандармовъ, говоритъ тотъ фактъ, что они стрѣляли въ амбулаторіи Краснаго Креста, ранили 20 человѣкъ и убили 4. Въ продолженіе недѣли рабочіе храбро защищались на улицахъ. Они боролись одни, такъ какъ передовая интеллигенція ни въ чемъ имъ не помогла. Въ продолженіе недѣли вся промышленная жизнь была пріостановлена въ Каталоніи. Поѣзда не ходили, телеграфныя сообщенія прерваны, электричество пріостановлено, пищевые припасы рѣдки. Пролетаріатъ Каталоніи съумѣлъ провести абсолютную всеобщую забастовку, которая благодаря поведенію правительства перешла въ революцію.

Подавивъ возстаніе, правительство теперь мститъ. Рабочія и республиканскія общества распущены, объявлена цензура, происходятъ массовые аресты и обыски. Министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что „въ продолженіе многихъ лѣтъ Барцелона будетъ помнить о репрессіяхъ“, и правительство сообща съ буржуазіей, попами и монахами приготовляетъ страшную месть...

Буржуазія щедро награждаетъ полицію и жандармерію, стрѣлявшую въ народъ, и наполняетъ тюрьмы рабочими. Но тѣмъ не менѣе она не можетъ скрыть своего страха и своего *пораженія*. Всеобщая забастовка Каталоніи дала все таки нѣкоторые результаты. Улучшились быстро тяжелыя условія военной службы. Исчезъ откупъ, благодаря которому молодые буржуа, заплативъ извѣстную сумму, освобождались отъ воинской повинности и оставались спокойно по своимъ домамъ, тогда какъ рабочіе шли въ казармы и на поля битвы. Кромѣ того въ Марокко были созданы особые батальоны изъ запасныхъ женатыхъ или вдовыхъ, имѣющихъ дѣтей, и эти батальоны предназначены спеціально для техническихъ работъ. Во все продолженіе войны будетъ выдаваться женщинамъ и дѣтямъ 50 сантимовъ въ день. Это — побѣда революціоннаго метода борьбы испанскаго пролетаріата. Если бы другія провинціи помогли Каталоніи, марокская война стала бы невозможна. Несмотря на репрессіи правительство не можетъ скрыть, что пролетарское возстаніе заставило его уступить и что безъ него оно бы не уступило. Буржуазія боялась худшихъ вещей. „Поколѣніе, которое сожгло монастыри и церкви, сожжетъ завтра фабрики, банки, магазины и лавки, если нація не пойметъ полученнаго урока“ — пишутъ въ своемъ манифестѣ сенаторы и депутаты Каталоніи.

* * *

Барцелонское возстаніе не нашло отклика въ другихъ провинціяхъ страны. Соціалисты и республиканцы хотя и ненавидятъ монархію, хотя и противъ войны, ничего не предприняли, чтобы помочь рабочимъ Барцелоны. „Въ Испаніи, пишетъ одинъ революціонный соціалистъ, все городское управленіе въ большихъ городахъ находится въ рукахъ республиканцевъ. Если бы большіе города помогли намъ, монархія была бы уничтожена, но республиканцы боятся скомпрометировать свое положеніе въ случаѣ неудачи, и въ случаѣ удачи они боятся рабочихъ требованій.

Примѣръ Валенсіи — этого большого республиканскаго города Испаніи — очень типиченъ. Въ Валенсіи сейчасъ выставка, и республиканскіе вожаки ничего не предприняли, чтобы не повредить мѣстной торговлѣ и своимъ избирательнымъ интересамъ.“

Съ другой стороны соціальдемократы въ силу своего уваженія къ легальности и въ силу боязни предъ революціонными средствами оказались, какъ и всегда, не на высотѣ историческаго момента. „Комитетъ соціалистической партіи — пишетъ одинъ испанскій революціонеръ — рѣшилъ объявить 3 августа всеобщую забастовку въ Мадридѣ и напечаталъ это рѣшеніе 30 іюля, т. е. четыре дня раньше назначеннаго числа. Онъ далъ такимъ образомъ правительству достаточно времени для того, чтобы принять необходимыя мѣры для подавленія движенія. Полиція немедленно арестовала всѣхъ анархистовъ, которыхъ она могла найти, и около 600 соціалистовъ республиканцевъ. Всѣ они были выпущены на свободу на другой день послѣ назначеннаго для всеобщей забастовки числа. Соціальдемократическій вождь Пабло Иглезіасъ, арестованный тоже, отдалъ распоряженіе провести только 24-часовую мирную всеобщую забастовку, какъ это было рѣшено. Полиція угрожала разстрѣлять его, если произойдутъ безпорядки.“ „Безпорядки“ не произошли въ большихъ городахъ; желѣзныя дороги не забастовали, телеграфныя проволоки не были порваны, и правительство смогло сконцентрировать всѣ свои силы въ Каталоніи.

* * *

Буржуазія господствуетъ надъ рабочими и крестьянами благодаря организованному насилію, благодаря арміи, жандармеріи, полиціи и суду, этимъ основамъ „цивилизованнаго“ государства. Пока рабочій классъ терпѣливо переноситъ свое рабство, пока онъ ограничивается словесными протестами или мирными стачками, буржуазія конечно не прибѣгаетъ къ широкому употребленію этихъ органовъ насилія.—Словесныхъ протестовъ она не боится, такъ какъ практика „свободной“ Англіи и республиканской Франціи ясно доказываетъ, что свободныя рѣчи не приводятъ необходимо къ революціоннымъ актамъ, и что между словомъ и дѣломъ существуетъ цѣлая пропасть.—Мирныя стачки ее не устрашаютъ, и тотъ фактъ, что буржуазія все болѣе и болѣе прибѣгаетъ къ локаутамъ доказываетъ, что пріостановка производства не представляетъ для нея большой опасности. Даже всеобщая, но мирная забастовка не страшна буржуазіи, и послѣднія событія въ Швеціи очень характерны въ этомъ отношеніи.

Въ отвѣтъ на требованія рабочихъ металлургическаго производства и торговли лѣсомъ шведскіе хозяева объявили локаутъ. Около 50,000 рабочихъ были выброшены на улицу. Рабочіе синдикаты возмущенные поведеніемъ хозяевъ рѣшили объявить всеобщую забастовку, если локаутъ будетъ продолжаться. Въ отвѣтъ на это рѣшеніе шведскіе хозяева, организованные въ „союзъ хозяевъ“ и поддерживаемые нѣмецкими капиталистами усиливаютъ еще локаутъ и увольняютъ еще 30,000 рабочихъ. Тогда Національная Федерація рабочихъ объявляетъ 4-го августа всеобщую забастовку, 35,000 рабочихъ покидаютъ фабрики и заводы, и если принять во вниманіе, что въ Швеціи рабочихъ, занятыхъ въ индустріи и коммерціи только 530,000 и что нѣкоторыя корпораціи (электричество, газъ, желѣзныя дороги) работали лишь благодаря позволенію самихъ стачечниковъ и должны были вносить въ пользу стачки 2 рубля въ недѣлю,—то можно сказать, что

всеобщая забастовка была дѣйствительно всеобщей. Армія была на сторонѣ рабочихъ, какъ доказываетъ тотъ фактъ, что во многихъ казармахъ солдаты пѣли „Интернаціоналъ" и отказывались замѣщать стачечниковъ. Правительство по этимъ причинамъ или по другимъ не вмѣшивалось въ забастовку, и руководимая соціаль-демократическимъ комитетомъ она имѣла характеръ экономической вполнѣ мирной, легальной борьбы между хозяевами и рабочими. Не произошло никакихъ насильственныхъ актовъ и буржуазныя газеты всѣхъ странъ наполнены похвалами шведскимъ рабочимъ за ихъ спокойствіе, уваженіе къ закону, любовь къ порядку и за вѣжливое обращеніе съ тѣми многочисленными буржуа, которые, покинувъ школы, университеты или, забавы превратились въ рабочихъ и по возможности организовывали производство помимо стачечниковъ.

Никогда ни въ какой странѣ стачка не становилась до такой степени всеобщей и не была столь мирной. Длилась она около двухъ мѣсяцевъ, и такъ какъ эта стачка была въ сущности борьбою рабочихъ грошей противъ капиталистическихъ рублей, борьбою двухъ *кассъ*,—капиталистическая касса, конечно, побѣдила. Мало-по-малу несмотря на то, что шведскіе рабочіе имѣли въ банкахъ около трехъ милліоновъ рублей, несмотря на денежную помощь нѣмецкихъ, датскихъ, англійскихъ и французскихъ рабочихъ, мало-по-малу шведскіе рабочіе должны были покориться, и всеобщая забастовка окончилась полнымъ пораженіемъ

Буржуазія не боится всеобщихъ мирныхъ забастовокъ, какъ не боится она и „могучихъ" рабочихъ организацій. Рабочія организаціи, синдикаты сами по себѣ не представляютъ для буржуазіи никакой опасности. Больше того примѣръ Германіи, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ показываетъ, что чѣмъ болѣе синдикатъ многочисленъ, чѣмъ болѣе онъ богатъ, тѣмъ болѣе онъ становится консервативнымъ, тѣмъ болѣе онъ является своего рода оплотомъ противъ безработныхъ, противъ бѣдныхъ и голодныхъ, онъ можетъ стать противо-революціоннымъ орудіемъ.

Буржуазія господствуетъ благодаря насилію и только насиліе можетъ освободить рабочихъ отъ ига эксплуатаціи и власти.

Рабочія организаціи хороши, когда они создаются не съ цѣлью пополненія кассъ трудовыми грошами, не съ цѣлью посыланія въ буржуазные парламенты соціаль-демократическихъ депутатовъ, но съ революціонными цѣлями: насильственной экспропріаціи буржуазнаго класса въ пользу всего общества.

Всеобщая забастовка хороша, когда она не ведется на почвѣ денежной борьбы; когда она сопровождается уничтоженіемъ банковъ, нотаріальныхъ конторъ, государственныхъ учрежденій, когда она сопровождается захватомъ буржуазной и государственой собственности и организаціей коммунистическаго потребленія и производства. Для этого необходима широкая пропаганда антимилитаризма, антипатріотизма, антипарламентаризма и т. д., т. е. необходима широкая пропаганда анархизма. Необходимо развить въ рабочихъ боевую энергію и чуткую солидарность къ борьбѣ другихъ рабочихъ. Барцелонское возстаніе было бы побѣдоносимымъ, если бы рабочіе другихъ городовъ поддержали его, шведская всеобщая забастовка была-бы побѣдоносной, если бы рабочіе дѣйствовали революціонно.

* * *

Буржуазія господствуетъ благодаря насилію, и она не останавливается ни предъ какою жестокостью, когда ей нужно подавить рабочія возстанія. Въ настоящій моментъ барцелонскія тюрьмы переполнены рабочими; военные суды засѣдаютъ, и цѣлыми массами рабочіе отправляются на каторгу. Буржуазныя и религіозныя газеты наполнены руганью и клеветами противъ бунтовщиковъ, и вся эта ярость буржуазіи доказываетъ, что она боится рабочихъ возстаній. Рабочія возстанія влекутъ за собою, конечно, массу жертвъ со стороны рабочихъ, но онѣ опасны также и для буржуазіи. Ярость испанскихъ и всѣхъ европейскихъ капиталистовъ противъ рабочихъ Каталоніи понятна, такъ какъ, какъ пишетъ Эрве въ своей „Соціальной войнѣ": „буржуазія знаетъ хорошо, что она можетъ раздавить одинъ разъ, два раза, десять разъ возстанія, подобныя барцелонскому возстанію; но случись, что въ силу отказа арміи стрѣлять въ народъ или въ силу какого-либо обстоятельства одно изъ этихъ возстаній будетъ побѣдоносимымъ, тогда это будетъ экспропріаціей буржуазіи и кровавою расправой народа съ капиталистами и правителями".

А. Н.

Соединенные Штаты С.-А.

ПИТТСБУРГСКАЯ СТАЧКА.

Въ то время, какъ Самуилъ Гомперсъ, главный секретарь сѣверо-американской Федераціи Труда (Federation of Labor), знакомилъ французскихъ синдикалистовъ въ рефератахъ и рѣчахъ съ „практическимъ" и мирнымъ характеромъ своей двухмилліонной профессіональной организаціи, въ это самое время въ одномъ изъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ, въ Питтсбургѣ, бастовало 6,000 рабочихъ, съ оружіемъ въ рукахъ, путемъ революціонной нелегальной борьбы отстаивавшихъ свои требованія. О томъ, что въ С.-Шт. отъ времени до времени вспыхиваютъ, подобныя стачки, сопровождающіяся взрывами бомбъ и динамита, объ этомъ Гомперсъ не упоминалъ съ своихъ рѣчахъ въ Парижѣ.

Питтсбургская стачка одна изъ наиболѣе яркихъ революціонныхъ стачекъ въ Америкѣ. Она закончилась побѣдой рабочихъ, но Федерація Труда совершенно непричемъ въ этой побѣдѣ.

Стачечники были неорганизованные въ союзы иностранцы, и этого было совершенно достаточно для того, чтобы Федерація Труда предоставила ихъ самимъ себѣ въ неравной борьбѣ съ хозяиномъ. А хозяинъ этихъ рабочихъ это могущественная компанія сталелитейныхъ и вагонныхъ заводовъ.

Эксплуатація, — которой подвергались рабочіе этихъ заводовъ была до того безпримѣрна, что даже американская буржуазная печать, которую никто не можетъ упрекнуть въ излишней сантиментальности по отношенію къ пролетаріату, указывала, хотя и въ мягкой формѣ, на необходимость смягченія условій работы. Даже хозяева были вынуждены признать, сейчасъ-же, какъ вспыхнула стачка, что заводская администрація хватила черезъ край. Они обѣщали ввести цѣлый рядъ улучшеній, но ... предварительно потребовали отъ стачечниковъ согласія на увольненіе 500 стачечниковъ, бывшихъ инициаторами забастовки.

Это возмутительное требованіе обострило, конечно, положеніе дѣла, и рабочіе рѣшили продолжать стачку до полной побѣды, несмотря на то, что компанія выбросила многихъ изъ нихъ изъ квартиръ и угрожала пустить противъ нихъ въ ходъ армію кровожадной государственной и частной полиціи.

Въ теченіе долгаго времени заводы стояли, но въ концѣ концовъ компанія достала около двухъ тысячъ штрейкбрехеровъ. Стачечники рѣшили не останавливаться ни предъ какими средствами и не допустить штрейкбрехеровъ къ работѣ. Зная о рѣшительномъ настроеніи забастовавшихъ рабочихъ, компанія пріобрѣла судно съ пушкой, для того. чтобы стрѣлять въ рабочихъ въ случаѣ нападенія на заводы или штрейкбрехеровъ. Но и рабочіе обзавелись судномъ, которое было такъ-же хорошо вооружено. Кромѣ того рабочіе запаслись динамитомъ. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ войнѣ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. И 23 августа война дѣйствительно вспыхнула.

Буржуазная печать сообщала, что стачечники собирались въ этотъ день взорвать динамитомъ заводы, что они хотѣли всыпать ядъ въ пищу штрейкбрехеровъ, чтобы всѣхъ ихъ отравить, и наконецъ, что они первые начали побоище.

„Есть много основаній думать, говоритъ по этому поводу „Freie Arbeiterstimme", еврейская анархистская газета, что въ телеграммахъ не все правда, можно думать, что и въ это послѣднее воскресенье кровопролитіе было начато государственными полицейскими, этими жестокими двуногими звѣрьми. Но если даже все то, что передаютъ газеты, соотвѣтствуетъ истинѣ, то изъ этого все же не слѣдуетъ, что сраженіе было начато рабочими, такъ какъ въ теченіе всѣхъ тѣхъ шести недѣль, которыя продолжается стачка, капиталъ употребляетъ самыя низкія средства для того, чтобы побудить стачечниковъ къ насильственнымъ актамъ. Для того, чтобы хладнокровно вынести все это, стачечники должны были бы быть или ангелами или животными.

Сраженіе было кровопролитное. Въ исторіи кровавыхъ столкновеній труда съ капиталомъ въ Америкѣ этотъ день займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Точныя цифры потерь съ той и другой стороны неизвѣстны. Во всякомъ случаѣ со стороны стачечниковъ жертвъ больше: нѣсколько десятковъ убитыхъ и сотни раненыхъ; со стороны полиціи убито нѣсколько шерифовъ (полицейскихъ приставовъ) и значительное количество солдатъ. По словамъ парижской синдикальной газеты „La Voix du Peuple" стачечники взорвали посредствомъ динамита рядъ заводскихъ зданій и безпощадно охотились за штрейкбрехерами. Какъ передаютъ американ-

скія газеты, въ первыхъ рядахъ рабочихъ сражались женщины съ динамитными бомбами въ рукахъ. Въ концѣ концовъ побѣда осталась конечно за полиціей. Было произведено масса арестовъ. На другой день на улицѣ обыскивали всѣхъ проходящихъ и звѣрски избивали даже совершенно непричастныхъ къ событіямъ лицъ, позволявшихъ себѣ протестовать противъ обыска. У обыскиваемыхъ отнималось оружіе, и такимъ образомъ собралось очень значительное количество револьверовъ. Но настроеніе стачечниковъ попрежнему осталось рѣшительнымъ, и они были готовы къ дальнѣйшей борьбѣ.

„У нихъ нѣтъ выбора, писала по этому поводу „Freie Arbeiterstimme“, имъ остается только борьба. Имъ некуда больше идти. Съ первой же минуты, какъ только они ступили ногой на американскую почву, они попали прямо въ этотъ адъ, и, не зная языка, они рѣшительно не знаютъ куда дѣваться и гдѣ заработать себѣ кусокъ хлѣба. И кромѣ того они все же чувствуютъ, что не должны оставить свои заводы, на которыхъ они потеряли свое здоровье, производя для другихъ. Поэтому ихъ борьба проникнута такимъ отчаяніемъ, какого не ожидали капиталисты.“

Стачка не обошлась безъ вмѣшательства соціальдемократовъ. Къ стачечникамъ пріѣзжалъ вожакъ американскихъ с.-д. Дебсъ и произнесъ типичную соціальдемократическую рѣчь о политической борьбѣ, о выборахъ и т. п. При условіяхъ, въ которыхъ протекала стачка, такая рѣчь была достаточно нелѣпа сама по себѣ. Но если вспомнить, что бастовавшіе рабочіе — иностранцы, не имѣющіе права выбирать, то станоится совершенно непонятнымъ, чего добивался этотъ господинъ.

Питтсбургское кровавое воскресенье заставило центральное вашингтонское правительство обратить вниманіе на дѣйствія кампаніи. Тремъ чиновникамъ разныхъ вѣдомствъ было поручено произвести слѣдствіе. При этомъ слѣдствіи была раскрыта прямо невѣроятная картина обращенія агентовъ компаніи съ несчастными штрейкбрехерами. Прежде всего обнаружилось, что послѣдніе не знали, что ихъ нанимаютъ на мѣста забастовавшихъ рабочихъ. Когда нѣкоторые изъ этихъ невинныхъ штрейкбрехеровъ узнали по дорогѣ, куда ихъ везутъ и хотѣли вернуться домой, агенты компаніи заперли выходы и не позволяли имъ выходить. 300 человѣкъ уже на мѣстѣ работы хотѣли уйти съ заводовъ, но частные полицейскіе, находящіеся, какъ это часто бываетъ въ Америкѣ, на службѣ у компаніи, преградили имъ дорогу. При этой сценѣ присутствовали и государственные полицейскіе, но они и пальцемъ не пошевелили для того, чтобы освободить незаконно лишенныхъ свободы людей. Главнымъ поводомъ къ слѣдствію послужилъ слухъ объ убійствѣ надзирателями компаніи трехъ штрейкбрехеровъ. По слухамъ ихъ трупы были брошены въ одну изъ заводскихъ печей. Оказалось также, что часть штрейкбрехеровъ завербована заграницей и незаконно провезена въ Америку; эти штрейкбрехеры не были при въѣздѣ въ страну опрошены, не заключили ли они до въѣзда контрактовъ съ хозяевами, что запрещено по американскимъ законамъ.

Когда слѣдствіе было уже закончено, министръ торговли получилъ жалобу, подписанную Франкомъ Моррисономъ, секретаремъ Федераціи Труда. Эта примиренческая организація держалась въ сторонѣ, пока шла дѣйствительная борьба рабочихъ съ капиталистами, она выступила на сцену, когда увидѣла, что компанія нарушила американскіе законы и что даже власти предержащія возмущены поведеніемъ хозяевъ.

Стачка закончилась побѣдой рабочихъ, всѣ ихъ требованія удовлетворены. Ихъ побѣда имѣетъ огромное значеніе не только для нихъ самихъ. Не будь этой побѣды, тѣ же адскія условія труда были бы, по словамъ „Freie Arbeiterstimme“ введены во всей питтсбургской индустріи. Въ этой борьбѣ стачечники проявили въ высокой степени всѣ тѣ качества, которыя всегда обезпечиваютъ побѣду пролетаріату. Чувство солидарности, боевой энтузіазмъ и сознательность участниковъ этой памятной стачки будутъ надолго служить примѣромъ для тѣхъ американскихъ пролетаріевъ, которыхъ Федерація Труда не захватила еще въ свои лапы и не превратила тѣмъ самымъ въ мелкихъ буржуа по духу и идеаламъ.

Но для окончательнаго освобожденія пролетаріата отъ оковъ капитала и государства мало одного бунтовскаго духа и сознательности, нужна еще и организація. Но не такая организація, какъ Федерація Труда, которая поставила себѣ цѣлью лишь улучшеніе положенія своихъ членовъ, а организація, которая выставила бы на своемъ знамени *всестороннее освобожденіе рабочаго класса путемъ прямой насильственной борьбы съ капиталомъ и властью.*

Такая организація существуетъ и въ С.-Америкѣ, она называется Industriel Worlk of Workers. Пока она еще очень малочисленна. Но если къ ней примкнутъ тѣ пока еще неорганизованные рабочіе С.-Америки, которые подобно питтсбургскимъ рабочимъ готовы въ своей борьбѣ на всѣ крайнія средства, эта революціонно-синдикальная организація станетъ могучей силой, которая столкнетъ съ мертвой точки застывшее сѣверо-американское рабочее движеніе. Каталонское возстаніе съ одной стороны и шведская всеобщая стачка съ другой показали, что только соединеніе бунтовскаго духа съ широкой массовой организаціей доставитъ рабочему классу возможность полной побѣды.

М. Р—скій.

11 ноября.

Снова наступило 11 ноября, день великаго траура рабочихъ всего міра, годовщина геройской гибели пятерыхъ самоотверженныхъ борцовъ за дѣло угнетенныхъ и обездоленныхъ.

И во всѣхъ уголкахъ земли, гдѣ только анархической пропагандѣ удалось оставить мало-мальски замѣтный слѣдъ, въ этотъ день собираются всѣ, кому дорого дѣло пролетаріата.

Почему же такъ настойчиво изъ года въ годъ перевертываютъ анархисты всѣхъ странъ эту пропитанную кровью страничку исторіи рабочаго движенія?

Почему такимъ ореоломъ окружаютъ они имена Парсонса, Линга, Фишера, Шписа и Энгеля?

Развѣ мало другихъ мучениковъ рабочаго дѣла? Развѣ не прошли передъ нашими глазами тысячи и тысячи блѣдныхъ тѣней товарищей, тюрьмой, пыткой и смертью заплатившихъ за преданность своимъ идеаламъ?

Развѣ мало жертвъ изъ нашей среды вырвали возстанія и всеобщія стачки разныхъ странъ, развѣ мало товарищей погибло въ тюрьмахъ современной испанской инквизиціи и русскаго царизма, въ каторгахъ Сибири, Гвіаны и Новой Каледоніи? Какіе еще ужасы можно представить себѣ послѣ терзаній въ русскихъ застѣнкахъ, карательныхъ экспедицій, пытокъ и разстрѣловъ въ крѣпости Монтжуихъ? Какія еще безстыдства, послѣ убійства Феррера! Развѣ каждый годъ не заполняетъ все новыми и новыми именами нашъ скорбный листъ?

Почему же память чикагскихъ мучениковъ больше всего объединяетъ пролетаріевъ и ярче всего будитъ въ сердцахъ ихъ ненависть и возмущеніе?

Въ лицѣ чикагцевъ мы прежде всего чтимъ піонеровъ массового анархическаго движенія.

Съ ихъ именемъ связанъ расцвѣтъ рабочаго стачечнаго движенія въ Америкѣ. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ они развили необыкновенную энергію. Въ цѣломъ рядѣ серьезныхъ печатныхъ органовъ сѣяли они анархическія идеи въ рабочія массы, и работа ихъ не прошла безслѣдно. Мало по малу, вожделѣнія американскихъ рабочихъ стали преломляться въ головахъ ихъ сквозь анархическую призму, и движеніе въ пользу 8-ми часового рабочаго дня имѣло въ виду не простое частичное улучшеніе положенія наемныхъ рабовъ. Уменьшеніе суммы работы занятыхъ рабочихъ должно было сократить, если не уничтожить, армію безработныхъ, повышая количество занятыхъ рукъ. Вмѣстѣ съ этимъ было бы достигнуто повышеніе заработной платы и *уменьшеніе конкурренціи между рабочими, укрѣпленіе ихъ солидарности для дальнѣйшей борьбы.* Идейные вдохновители движенія не остались чужды практическому осуществленію его. Со всею страстностью и энергіею, на какую они были способны отдались они этому дѣлу.

Выйдя сами изъ массы, изъ слоя трудящихся и обездоленныхъ они не воспользовались привиллегіями, которыя могли доставить имъ ихъ развитіе, знанія и способности. Они не перешли въ слой сытыхъ паразитовъ, не выставили свою кандидатуру въ качествѣ платныхъ „представителей“ пролетаріата.

Изъ массы они вышли, въ массу и несли всѣ свои знанія и таланты. Они не порвали съ нею и до послѣдняго дня жизни оставались простыми рабочими,

Парсонсъ былъ наборщикомъ, Фишеръ — наборщикомъ, Энгель — маляромъ, Фильденъ — прядильщикомъ, а затѣмъ извозчикомъ, Швабъ переплетчикомъ, Лингъ переплетчикомъ, Неебе—слесаремъ.

Они оставались въ массѣ, были тѣсно связаны съ нею, про-

питаны ея чувствами и стремленіями, и въ этомъ секретъ ихъ успѣха и обаянія, залогъ ихъ вліянія на массы.

Они не были бѣлоручками, пришельцами, не были чужды простому черному люду. Они были ихъ дѣйствительными братьями, плотью отъ плоти и костью отъ кости ихъ.

Благодаря этому и только этому удалось имъ уловить и понять истинный смыслъ и задачу революціи.

Ихъ идеалы были идеалы анархическаго коммунизма. Торжество этихъ идеаловъ было обусловлено въ ихъ глазахъ массовымъ выступленіемъ организованныхъ пролетаріевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ они не были непротивленцами. Не малодушіемъ, не трусостью объясняется ихъ отрицательное отношеніе къ убійствамъ ради убійствъ, не малодушіемъ и трусостью былъ вызванъ ихъ протестъ противъ приписываемой имъ бомбы, послужившей предлогомъ для расправы съ ними.

Ихъ мужество и храбрость были не вспышкой, не минутнымъ возбужденіемъ, при которомъ можно бросить бомбу и поспѣшно скрыться, предоставивъ отвѣтственность за нее другимъ, но мужествомъ людей, убѣжденныхъ и преданныхъ великой идеѣ, жертвующихъ ради нея всѣмъ — и собственной жизнью, и семьей, и горемъ, и страданіями близкихъ.

Парсонсъ, избѣгшій ареста, самъ явился на судъ, чтобы раздѣлить участь товарищей. Швабъ и Фильденъ съ грустью встрѣтили извѣстіе о замѣнѣ имъ смерти каторгой. Неебе, приговоренный къ каторгѣ, говорилъ на судѣ: „я хочу лишь одного — раздѣлить участь моихъ друзей. Повѣсьте меня вмѣстѣ съ ними“. Лингъ самъ положилъ конецъ своимъ днямъ, взорвавъ себя динамитнымъ патрономъ, чтобы не доставить буржуазіи зрѣлища своей смерти. Шписъ, Фишеръ, Энгель и Парсонсъ гордо отказались отъ помилованія и жалѣли лишь о невозможности послѣдовать примѣру Линга. Они умерли героями, послѣдняя мысль ихъ была о дорогомъ дѣлѣ, послѣднія слова ихъ были: „Да здравствуетъ анархія!“

И американскія власти, и капиталисты прекрасно понимали, что въ лицѣ этихъ героевъ они имѣютъ гораздо болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ въ людяхъ, способныхъ лишь на какой-либудь отдѣльный террористическій актъ.

Вотъ почему прекрасно зная истиннаго виновника взрыва, они не помѣшали ему скрыться, не потребовали выдачи его, чтобы всю отвѣтственность за это дѣло взвалить на плечи ненавистныхъ имъ агитаторовъ, чтобы вѣрнѣе погубить ихъ.

Все было пущено въ ходъ для этого. И тщательно подобранный составъ судей и присяжныхъ, и подкупленные лжесвидѣтели и подготовка „общественнаго мнѣнія“ продажной прессой. Все это происходило не въ потемкахъ застѣнка, а среди бѣла дня, совершенно открыто, не въ самодержавной азіатской странѣ, а въ „свободнѣйшей“ демократической республикѣ, которую государственники готовы выставить намъ за идеалъ общежитія.

Нигдѣ, какъ въ этомъ процессѣ, не обнажались такъ, не вставали другъ противъ друга съ большей очевидностью интересы двухъ классовъ — буржуазіи и пролетаріата, развѣ пожалуй въ недавнемъ процессѣ въ той же Америкѣ противъ Хайвуда, Майерай Петтибона, вожаковъ „Федераціи минеровъ“.

Въ свободной республикѣ классовый характеръ процесса былъ ясенъ, какъ день, и американская буржуазія не могла, какъ въ менѣе свободныхъ странахъ, прикрыться своимъ невѣдѣніемъ и непричастностью, и свалить свою отвѣтственность на одно правительство.

И въ этомъ обстоятельствѣ — лишь доводъ за постоянное воспоминаніе чикагскаго дѣла. Пусть, наконецъ, рабочій классъ оцѣнитъ и вполнѣ пойметъ значеніе и цѣну „политическихъ свободъ“.

Милліоны рабочихъ Америки, Европы и Австраліи думали отстоять дорогія имъ жизни своимъ униженіемъ и подписали своими подписями петиціи. Но тщетно, конечно. Они не понимали еще, что нужно дѣйствовать не просьбами, а силой. Два десятилѣтія распространенія анархическихъ идей, нужно надѣяться, не прошли напрасно для пролетаріата.

Пятнадцать мѣсяцевъ со дня приговора прошло въ попыткахъ американскихъ рабочихъ добиться пересмотра дѣла другимъ судомъ. Новый судъ вынесъ тотъ же приговоръ и отложилъ убійство еще на два мѣсяца.

Но ни семнадцать мѣсяцевъ ожиданія смерти, ни гнусныя выходки, нападки, каррикатуры и циничныя шутки надъ осужденными и ихъ семьями въ американскихъ продажныхъ газетахъ предупредительно доставлявшихся имъ, ни горе и страданія близкихъ не сломили стойкаго мужества героевъ.

Вотъ письмо Фишера Іогану Мосту.

1 ноября 1887 г.

Дорогой другъ Мостъ.

Такъ какъ мнѣ осталось жить не больше шести дней, то я хочу проститься съ тобой. Ты знаешь изъ газетъ, что четверо изъ насъ отказались отъ помилованія, т. е. смягченія приговора и требуютъ свободы или смерти. Свободы намъ правительство не дастъ, — остается смерть.

Ты поймешь, Іоганъ, что мысль о дорогой женѣ и трехъ малюткахъ часто заставляетъ сжиматься мое сердце, но — прочь отъ меня искушеніе!

Для приближенія Соціальной Революціи нужны силы, для нашего благороднаго дѣла — Анархіи, нужны мученики. Да будетъ же такъ! Я счастливъ отдать свою жизнь за великое дѣло.

Если несчастные крестьянскіе юноши, въ отвѣтъ на призывъ королей и императоровъ, добровольно приносятъ свои жизни въ жертву на алтарь божіей милостью тираніи, — не должны ли борцы за истинную свободу, за Анархію, также отдавать свою жизнь ради торжества великихъ и благородныхъ принциповъ?

Неужели мы покажемъ себя нашимъ врагамъ трусами, придерживающимися извѣстныхъ принциповъ лишь до тѣхъ поръ, пока это совершенно безопасно? Нѣтъ, никогда! Мы должны показать противникамъ, что анархисты умѣютъ умирать за свои убѣжденія. Я былъ вѣренъ имъ при жизни, я засвидѣтельствую ихъ своею смертью. Итакъ — прости.

Будь же вѣренъ нашему великому дѣлу, какъ ты былъ вѣренъ ему всегда, неси наше знамя высоко, все впередъ, какія бы бури ни свирѣпствовали, какъ бы онѣ не затрудняли путь.

Я желалъ бы тебѣ дожить до дня великой битвы. О, какъ хотѣлъ бы я самъ пасть въ этой битвѣ подъ сѣнью нашего дорогого краснаго знамени. Но этому быть не суждено. Я твердо рѣшилъ умереть піонеромъ, застрѣльщикомъ. — Прости же.

Да здравствуетъ Соціальная Революція!

Да здравствуетъ Анархія!

Съ братскимъ поцѣлуемъ
твой товарищъ *Адольфъ Фишеръ.*

Таковы были всѣ они, чикагскіе мученики, и ихъ имена не изгладятся изъ памяти міроваго пролетаріата. Ихъ благородная жизнь и смерть никогда не перестанутъ служить свѣтлымъ примѣромъ всѣмъ, для кого, какъ и для нихъ, дѣло освобожденія угнетенныхъ и обездоленныхъ — дѣло кровное, близкое, родное, а не источникъ личной выгоды, не поприще личнаго честолюбія.

Идеи, воодушевлявшія ихъ, не перестанутъ зажигать милліоны сердецъ великой ненавистью и великой любовью, и близокъ тотъ часъ, когда подъ дружнымъ натискомъ всѣхъ настрадавшихся рухнетъ строй произвола и насилія и на развалинахъ его снова единодушно раздастся предсмертный кличъ чикагцевъ, кличъ побѣдный, полный жизни и великаго будущаго:

Да здравствуетъ
Анархія!

11 ноября 1909 г. Вл. Забрежневъ.

ИЗЪ РОССІИ.

Письмо изъ Одессы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашемъ городѣ было довольно большое количество революціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ: были с.-д., с.-р. всѣхъ видовъ, были тамъ и анархисты. Въ 1906 г. послѣдніе пользовались вліяніемъ среди рабочей массы, въ особенности это вліяніе было сильно среди моряковъ и портовыхъ рабочихъ, за послѣдніе полтора—два года у насъ все пошло на убыль. Не стало ни с.-д.-овъ, ни с.-р.-овъ, объ анархистахъ хотя и слышно было, но анархическое движеніе здѣсь окончательно выродилось. При тов. Н. и его послѣдователяхъ велась пропаганда и агитація идей анархизма; за послѣдніе же полтора—два года объ анархистахъ и анархизмѣ только и можно было слышать въ связи съ разнаго рода предпріятіями денежнаго характера. Наряду съ дѣйствительными революціонерами, воодушевленными высокимъ идеаломъ, появились и такого рода типы, которымъ не было дѣла ни до какихъ идеаловъ, но которые выступали подъ флагомъ анархизма съ единственной цѣлью—нажиться. Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что за послѣднее время эти господа

почти совсѣмъ вытѣснили идейныхъ работниковъ. Были факты, что къ подобнаго рода господамъ примыкали и будто-бы вполнѣ убѣжденные люди... Разумѣется, что при такомъ положеніи вещей связи среди рабочей массы все больше и больше терялись... Даже среди широкой массы рабочихъ постепенно создалось соотвѣтствующее этимъ печальнымъ фактамъ представленіе объ анархизмѣ; анархистовъ считали людьми, которымъ важно кого-нибудь ограбить, но совершенно безразличны интересы рабочихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ нашъ городъ пріѣхали люди, которые задались цѣлью развить пропаганду идей анархизма. При помощи нѣсколькихъ мѣстныхъ работниковъ, недавно вышедшихъ изъ тюрьмы, удалось опять завязать связи среди моряковъ и въ окрестныхъ деревняхъ. Кстати, о морякахъ: нашимъ товарищамъ пришлось столкнуться съ с.-д., которые тамъ вели свою работу. Небезынтересно будетъ остановиться на томъ, какимъ образомъ г.г. с.-д. развиваютъ классовое самосознаніе среди пролетаріата.

Моряки, служащіе въ „Русскомъ обществѣ пароходства и торговли", всячески притѣсняются администраціей названнаго общества: уменьшается жалованіе, увеличиваются часы работы, ухудшается пища, сокращается составъ и т. п.; среди моряковъ замѣчается острое недовольство, и господа соціаль-демократы, желая использовать это настроеніе, повели сильную агитацію за немедленное объявленіе забастовки. Часть моряковъ заявила, что они на мирную забастовку не согласны, что бастовать они будутъ только тогда, когда они будутъ вооружены, когда у нихъ будутъ боевые припасы [illegible] гда будетъ увѣренность, что на террор администраціи и по[illegible] они смогутъ отвѣтить тѣмъ же. Тогда почтенные одесскіе соціальдемократы предложили морякамъ внести по полтиннику съ человѣка яко-бы на покупку оружія, которое ими де будетъ куплено, а пока все-таки объявить забастовку.

Боясь, чтобы анархисты не помѣшали проведенію подобнаго сорта забастовки, они въ глубокой тайнѣ отъ насъ созвали на одной изъ баржъ собраніе въ 46 человѣкъ, которое должно было по ихъ расчетамъ объявить забастовку всѣхъ моряковъ „Русскаго общества" (всего моряковъ нѣсколько тысячъ). Собраніе удалось собрать въ глубокой тайнѣ отъ анархистовъ, но не отъ полиціи, которая задержала всѣхъ на мѣстѣ. Многіе побросались изъ баржи въ воду, откуда ихъ и вылавливали. Такимъ образомъ, и окончилась затѣянная господами эсдеками забастовка, не будучи даже объявленной. Послѣднія событія крайне затруднили доступъ въ портъ и мѣшаютъ возобновить нашу работу. Крайняя нужда въ литературѣ, оружіи, деньгахъ и людяхъ. Откликнитесь и помогите. На литературу громадный спросъ, а у насъ ничего нѣтъ.

Одесситъ.

P. S. Ведется работа и по деревнямъ, гдѣ крестьяне очень чутко прислушиваются къ пропагандѣ нашихъ идей, но и тамъ условія работы также затруднены по тѣмъ же причинамъ, да и полицейскія условія тоже довольно тяжелыя, приходится прятаться по оврагамъ, ходить по 25-30 верстъ пѣшкомъ и т. д.

P. P. S. Изъ мѣстной тюрьмы отправлено на каторгу много нашихъ товарищей, въ томъ числѣ и тов. Новомірскій.

Письмо съ Юга.

Дорогіе товарищи!

Вотъ уже больше мѣсяца вращаемся мы среди крестьянскаго населенія юга Россіи, преимущественно Черниговской, Кіевской, Херсонской, Полтавской, Екатеринославской и Таврической губерній.

Вначалѣ, когда мы перейдя границу ѣхали въ поѣздѣ черезъ Подольскую губ., намъ рѣзалъ уши въ теченіе нѣсколькихъ часовъ черносотенный разговоръ, направленный главнымъ образомъ противъ евреевъ. Разводили эту агитацію исключительно подольско-бессарабскіе кулаки-міроѣды. Имъ никто не возражалъ. А сидѣвшіе рядомъ солдаты-башкиры даже вторили имъ и высказывались, что не дурно было бы снова погромить евреевъ.

Но по мѣрѣ того, какъ поѣздъ увлекалъ насъ въ глубь Россіи, на рѣчи черносотенцевъ то съ одного, то съ другого мѣста вагона стали раздаваться протестующіе голоса недовольныхъ крестьянъ и оборванныхъ рабочихъ. Съ каждою полсотнею верстъ повышалось настроеніе. Въ скоромъ времени рѣчи черносотенцевъ совершенно прекратились, и ихъ замѣнили рѣчи недовольнаго юга.

Первымъ запечатлѣлся у меня въ умѣ возмущенный стражникъ, роптавшій вслухъ на свое начальство и неустанно пытавшійся агитировать тѣхъ же солдатъ-башкиръ и другихъ пассажировъ вагона. Сочувствующая публика, видимо, не рѣшалась открыто проявить свое сочувствіе, солидарность или поддержать его словами. И было видно, какъ тяжело отзывалась на стражникѣ-агитаторѣ этотъ молчаливый протестъ противъ человѣка въ полицейскомъ мундирѣ. Минутами на лбу у него появлялись морщины, глаза печально прищуривались, и все лицо его выражало мрачное разочарованіе...

Запечатлѣлись въ моей памяти слова, рѣзко отчеканенныя однимъ чернорабочимъ: „не за что служить въ солдатахъ, вотъ и не хотятъ". На вопросъ кулака: „какъ такъ не за что?" отвѣтилъ за перваго болѣе пожилой рабочій: „Нѣту правды у насъ! Вотъ почему не за что" и т. д.

А еще глубже въ южныхъ губерніяхъ всѣ скопища и толпы рабочаго и крестьянскаго люда въ одинъ голосъ говорятъ противъ богатыхъ и начальства. Перечить имъ никто не смѣетъ и даже стражники молча или поддакивая выслушиваютъ народное мнѣніе.

Итакъ, если принять во вниманіе суровость репрессій даннаго времени и сравнить настоящій моментъ съ вольнымъ 1905 годомъ и даже 6-мъ, то надо сказать, что сознательность украинскаго крестьянства возросла, но чувствуется упадокъ духа въ массахъ, упадокъ вѣры въ близость торжества революціи. Этотъ упадокъ духа, этотъ недостатокъ вѣры въ близость торжества великаго дѣла чувствуется рѣшительно въ каждомъ крестьянинѣ, съ которымъ вамъ придется обмѣняться двумя, тремя фразами. Итакъ почти каждый крестьянинъ вамъ скажетъ: Бачъ якъ прыдавылы... эхъ! якъ бы вже ті дурні солдаты понялы. Тяжко, тяжко безъ нихъ зробыты що нибудь".

Думой никто не интересуется и почти всѣ ненавидятъ ее: „сыдятъ проклятi дармоиды на нашій шіи, та придумують нови налогы; та якъ нови броненосци, та крейсера заказувать".

Послѣднее время очень интересовались войной. На войну положительно все крестьянство возлагаетъ всѣ свои надежды. Часто встрѣчные-крестьяне задаютъ вамъ вопросъ: „Ну що про войну тамъ ничего ны чуть, ны пышуть у газетахъ?—"Нѣтъ,—скажешь и прибавишь „ну, диду, а що жъ дали буде?" — „Та що жъ буде? Колы воно буде? Вотъ якъ бы война пиднялась; хоть не велычка, хоть така, — тилько похоже на войну; отъ бы воно и було що небудь и добребъ було! А безъ войны нихъ сыла, — теперь ихъ сыла. Взялы все въ свои руки воны." Здѣсь чувствуется тяжелое разочарованіе въ минувшемъ движеніи и печаль-тоска по скоро умершей волѣ конца 1905 года.

Злоба дня теперь въ крестьянствѣ это законъ о закрѣпленіи земли и само закрѣпленіе. На эту злобу дня мы, анархисты, должны откликнуться теперь же.

Другая злоба дня это вопросъ о переселеніи въ Сибирь. Въ какое село не приди и вслушайся въ разговоръ крестьянъ — они обязательно толкуютъ о переселеніи. Характерно еще то, что ѣдутъ и собираются уѣзжать главнымъ образомъ самые передовые крестьяне.

Причина этому та, что нѣтъ вѣры въ близость торжества революціоннаго дѣла.

Бѣда еще въ томъ, товарищи, что большинство старыхъ групповиковъ и передовые массовики настроены слишкомъ пессимистически. Когда являешься къ работникамъ этихъ двухъ типовъ, отъ нихъ вѣетъ холодомъ и разочарованіемъ. Мнѣ кажется, что они-то именно и являются, нѣкоторымъ образомъ, тѣмъ источникомъ, который несетъ и распространяетъ уныніе и апатію въ массахъ. Выходитъ это такъ—массы знаютъ ихъ, какъ передовиковъ. Сталкиваясь съ ними съ любопытствомъ разспрашиваютъ о дѣлахъ. А вмѣсто духовной поддержки или бодрой стойкости, получаютъ въ отвѣтъ тяжкій вздохъ и безнадежный взмахъ руки. Можно себѣ представить какое впечатлѣніе производятъ эти вздохи на малосознательныхъ рабочихъ и крестьянъ.

Потребность въ нашей и вообще въ революціонной литературѣ очень велика, но конечно, главнымъ образомъ, въ самой популярной. Связи завязываются легко! Работы много, но мало работниковъ. Легальнымъ и полулегальнымъ людямъ можно теперь многое успѣть, но только не тѣмъ, которымъ приходится носить оружіе.

Работа должна состоять въ агитаціи, въ связываніи села съ селомъ, деревни съ деревней,—все это теперь должно быть нашей задачей. Завязавъ всюду связи, можно приступить къ наводненію деревни литературой. Не слѣдуетъ только являться въ деревню съ

оружіемъ. Это наводитъ на крестьянъ панику, и они постараются отдѣлаться отъ вооруженныхъ агитаторовъ крестомъ и ладаномъ. Слишкомъ ужасны для многолѣтной бѣдноты всѣ эти частыя вооруженныя сопротивленія съ ихъ тяжелыми для укрывателей послѣдствіями и репрессіями на цѣлыя волости.

З—д.

Изъ обвинительнаго акта по дѣлу минской группы а.-к.*)

Въ періодъ времени съ сентября 1906 г. по май 1907 г.,—разсказывается въ обвинительномъ актѣ,—Минскъ оказался наводненнымъ подпольной литературой группы анархистовъ-коммунистовъ „Безначаліе", печатавшейся въ типографіи партіи „Безвластіе". Одновременно среди состоятельной части населенія началась паника, вызванная требованіями анархистами денегъ и „экспропріаціями".

„Безначальцы", по словамъ обвинительнаго акта, отрицаютъ всякое государство, частную собственность и всякую власть, не признаютъ никакихъ организацій рабочихъ и призываютъ массы къ оставленію работъ и „экспропріаціи" имуществъ. „Безначальцы" признаютъ всякій грабежъ, всякую кражу законными. „Безначальцы" считаютъ необходимымъ примѣненіе террора въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; убить буржуа можно только за то, что онъ „буржуа"; убить кого либо изъ служителей власти можно только потому, что онъ носитъ форму. Всякій террористическій актъ считается „полезнымъ".

Минская группа вначалѣ состояла исключительно изъ „безначальцевъ", но послѣ того, какъ въ Россію пріѣхали изъ за-границы другіе анархисты — „чернознаменщики", она распалась на двѣ группы. Но у обѣихъ группъ были общая типографія и общая лабораторія для изготовленія бомбъ.

Минскіе анархисты поддерживали дѣятельныя сношенія съ международными анархистами. Когда всѣ они были задержаны, у нихъ и на почтѣ нашли письма и порученія отъ „товарищей" изъ Парижа, Женевы, Брюсселя и Константинополя.

Минскіе анархисты играли, повидимому, въ Россіи первенствующую роль. Отсюда, какъ изъ центра, посылались дѣятели для веденія пропаганды во всѣ стороны. Вслѣдствіе этого въ числѣ обвиняемыхъ есть лица, арестованныя въ Вильнѣ и въ Ригѣ. Кромѣ того, въ связи съ раскрытіемъ минской организаціи были произведены аресты и въ Петербургѣ.

Члены группы помѣщались въ Минскѣ въ четырехъ квартирахъ.

На одной происходили сходки, во второй помѣщалась типографія „Безвластіе", въ третьей — лабораторія взрывчатыхъ предметовъ, въ четвертой—библіотека и секретаріатъ. Библіотека анархистовъ заключала въ себѣ массу сочиненій теоретиковъ анархизма и много другой нелегальной литературы.

Вся организація была раскрыта вслѣдъ за арестомъ прибывшаго изъ за-границы провизора Кукуцъ-Кавецкаго, назвавшагося при арестѣ Бентковскимъ.

Кавецкій послѣ ареста запирался недолго и въ нѣсколько дней раскрылъ всю организацію. На его квартирѣ была найдена лабораторія бомбъ и много анархистской литературы. Затѣмъ была арестована и сходка анархистовъ въ квартирѣ шарманщика Петровицкаго. Семь участниковъ сходки уличилъ Кавецкій. По его же указанію, были раскрыты и всѣ другія квартиры анархистовъ, при чемъ всюду были найдены компрометирующіе обвиняемыхъ документы, а также оружіе, бомбы, вещества для приготовленія ихъ, типографскія принадлежности, печати и т. д.

Кромѣ Кавецкаго и его ближайшаго товарища Жмуйдика, были задержаны еще 14 анархистовъ въ Минскѣ и трое въ Ригѣ, Варшавѣ и Кіевѣ.

Раскрывшій всю организацію Кавецкій былъ убитъ въ тюрьмѣ арестантами.

Двое—Жмудикъ и Энгельсонъ—казнены по приговору военнаго суда.

Ашкинази и Микота—уже приговорены къ каторгѣ по другимъ дѣламъ.

*) Перепечатано изъ „Русск. Сл." за 18 окт.

ХРОНИКА БОРЬБЫ.

(Изъ газетъ.)

Минскъ. 18 октября вынесенъ приговоръ по дѣлу Минской группы анархистовъ-коммунистовъ „Безначаліе". Дѣвица Гарверъ приговорена къ девятилѣтней каторгѣ, остальные къ четыремъ и шести годамъ каторги.

Смоленскъ. Судебная палата по дѣлу восьми рославльскихъ анархистовъ-комунистовъ вынесла приговоръ: трое — къ лишенію правъ и ссылкѣ въ каторгу на сроки отъ шести до девяти лѣтъ съ зачетомъ предварительнаго заключенія, одинъ — къ ссылкѣ на поселеніе. Марченковъ, просидѣвшій въ тюрьмѣ съ 1906 года, оправданъ. Выяснилось, что онъ былъ задержанъ по ошибочному указанію помѣщицы Кушлянской. Трое умерли въ тюрьмѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

„Анархистъ" № 4 Сентябрь 1909 г.

По поводу двухъ статей, появившихся въ № 4 „Бунтаря", я подвелъ итоги нашей долголѣтней, преимущественно устной, полемикѣ съ „чернознаменскимъ" направленіемъ въ русскомъ анархизмѣ. Эти двѣ статьи „Бунтаря" были посвящены вопросамъ о террорѣ и синдикализмѣ, въ которыхъ наиболѣе рельефно отразилось наше коренное расхожденіе въ опредѣленіи взаимоотношенія между дѣйствіемъ анархистскихъ группъ и безпартійнымъ массовымъ движеніемъ. Возвратился я къ „старымъ темамъ" по той причинѣ что, какъ уже объяснялось въ моей статьѣ, я впервые встрѣтилъ въ „ч—э-ской" литературѣ болѣе или менѣе полное изложеніе отношенія этой фракціи къ упомянутымъ вопросамъ. Еще одна причина побудила меня отвѣтить на эти статьи: въ статьяхъ „Бунтаря" невѣрно излагалось отношеніе анархистовъ-синдикалистовъ къ нѣкоторымъ вопросамъ, и я счелъ нелишнимъ указать на это.

Моя статья вызвала отвѣтъ со стороны тов. Вадимова въ № 4 „Анархиста". Но прежде чѣмъ оцѣнить „отвѣтъ" тов. Вадимова, я познакомлю читателя въ нѣсколькихъ словахъ съ другой статьей того же автора, напечатанной въ томъ же номерѣ того же журнала. Статья эта называется „Печальные итоги безпечальнаго житья". Въ этой статьѣ, какъ предупреждаетъ самъ авторъ, онъ не затрагиваетъ программныхъ или тактическихъ вопросовъ; автору захотѣлось „побесѣдовать съ читателемъ по душамъ". Въ своей „бесѣдѣ" онъ скорбитъ о разложеніи, царящемъ въ революціонныхъ кругахъ и между прочимъ приводитъ для характеристики этого моральнаго развала непозволительные полемическіе пріемы, къ которымъ для вящаго взаимнаго посрамленія прибѣгаютъ въ своихъ фракціонныхъ спорахъ с.-д. и с.-р. Причину этого моральнаго упадка авторъ видитъ отнюдь не въ одной полемикѣ, онъ находитъ, что и „анархисты недалеко ушли отъ этой пренепріятной кампаніи". Основную причину моральнаго упадка среди современнаго революціоннаго поколѣнія авторъ видитъ въ томъ, что революціонеры совершенно забросили самовоспитаніе, понадѣявшись „на всеисцѣляющія свойства широкихъ „массъ". Тов. Вадимовъ находитъ, что „многое сумѣлъ сдѣлать пролетаріатъ, не сумѣлъ онъ только одного: дать революціонерамъ тотъ моральный багажъ, котораго имъ не хватало", и поэтому онъ обращается къ „болѣе талантливымъ товарищамъ" съ призывомъ: „Заговорите же! Скажите это, какъ солнце яркое, какъ буря сильное: назадъ къ самому себѣ! Растолкуйте же, что революція внѣшняя немыслима безъ предварительной революціи внутренней. Растолкуйте же, наконецъ, что можно быть анархистомъ, соціалистомъ и какимъ угодно истомъ, но раньше всего слѣдуетъ *быть человѣкомъ*".

Итакъ въ глазахъ т. Вадимова пролетаріатъ совершенно обанкротился въ роли моральнаго воспитателя революціонеровъ. Дѣлая такіе рѣшительные выводы, авторъ ни на минуту не останавливается надъ вопросомъ, насколько русскіе революціонеры на дѣлѣ пробовали сливаться съ пролетаріатомъ и не стояли ли с.-д., с.-р. и даже, въ большинствѣ случаевъ, и анархисты *внѣ пролетаріата, внѣ народа*; не дѣйствовали ли они какъ внѣшняя, самодовлѣющая, чуждая народу сила, и не въ этомъ ли основная причина моральнаго банкротства революціонеровъ на другой день послѣ пораженія революціи. Странное явленіе представляетъ собой современный анархистъ, — какимъ является т. Вадимовъ, — такъ

легко прощающійся съ воспитательной ролью народныхъ массъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ легко поддающійся вѣрѣ во „всеисцѣляющія свойства“ самовоспитанія, къ которому должны приступить анархисты подъ вліяніемъ призывовъ „талантливыхъ товарищей“. Подобные выводы какъ нельзя болѣе были бы у мѣста въ мозгу того каррикатурнаго анархиста, который существуетъ лишь въ писаніяхъ большинства соціальдемократическихъ „критиковъ“ анархизма.

Но я, впрочемъ, остановился на статьѣ „Печальные итоги“ не для того, чтобы критиковать высказанныя въ ней мысли т. Вадимова. Правда, будучи возведенъ другимъ сотрудникомъ „Анархиста“ въ санъ „оффиціальнаго“ и „заправскаго“ критика, я чувствую за собой уже прямую обязанность продолжать указывать на наивность нѣкоторыхъ скоропалительныхъ „теорій“. Но въ своей статьѣ т. Вадимовъ не создаетъ никакихъ новыхъ теорій и лишь „бесѣдуетъ съ читателемъ по душамъ“, и я остановился на ней лишь для того, чтобы сопоставить благородныя мысли, высказанныя авторомъ въ этой „бесѣдѣ“, со сверхъ-полемическимъ тономъ другой его статьи, написанной въ отвѣтъ на мою. Я не имѣю имѣю никакихъ основаній для того, чтобы сомнѣваться въ искренности чувствъ, внушившихъ автору „бесѣды“ благородное негодованіе противъ упадка нравовъ въ современной революціонной средѣ, но тѣмъ болѣе неожиданной явилась для меня форма, въ которой написана его вторая статья. Остается лишь предположить, что правая рука т. Вадимова, проникнутая самыми благородными намѣреніями, не вѣдаетъ, что творитъ лѣвая. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ десница т. Вадимова караетъ современный моральный развалъ и въ частности сурово осуждаетъ недопустимые полемическіе пріемы с.-д. и нѣкоторыхъ с.-р., его шуйца въ другой статьѣ, прибѣгаетъ по отношенію ко мнѣ ко пріемамъ, заимствованнымъ у тѣхъ же „маленькихъ и гаденькихъ“ (выраженіе т. Вадимова) соціальдемократическихъ полемистовъ. Правда, шуйца т. Вадимова не достигла еще пока горныхъ вершинъ соціальдемократическихъ полемическихъ красотъ, но она уже и теперь, несмотря на свои юныя лѣта, подаетъ большія надежды.

Т. Вадимовъ полагаетъ, что я поступилъ неделикатно, говоря въ своей статьѣ о листкѣ „Бунтарь“ какъ объ органѣ „чернознаменцевъ“. При этомъ онъ ссылается на „письмо къ старой редакціи“, съ котораго начала свою дѣятельность „молодая группа“, редактирующая листокъ „Бунтарь“. Однако изъ этого то именно „письма къ старой редакціи“ и слѣдуетъ, что издатели новаго органа считаютъ себя учениками „старой редакціи“. Но важнѣе всего то, что идеи новаго органа вполнѣ совпадаютъ съ идеями старыхъ „чернознаменцевъ“. Единственное найденное мною въ „молодомъ“ „Бунтарѣ“ новшество это „анархистскіе синдикаты“, организующійся изъ „разбившейся по профессіямъ группы“. Этой идеи у „старыхъ“ ч.-з. дѣйствительно не было. Чернознаменцы прежнихъ временъ на вопросы о формахъ организаціи просто отдѣлывались молчаніемъ. Между тѣмъ такъ или иначе отвѣтить на этотъ вопросъ стало необходимымъ, нельзя же вѣчно отдѣлываться „критикой“! Новый „Бунтарь“ попытался разрѣшить вопросъ объ организаціи, и... первый организаціонный блинъ, испеченный „молодой группой“, вышелъ комомъ. Съ этимъ моимъ мнѣніемъ согласенъ очевидно и т. Вадимовъ, такъ какъ онъ въ своей статьѣ не беретъ подъ свою защиту эти диковинные „синдикаты“.

Но за этимъ исключеніемъ всѣ остальныя мысли, изложенныя въ статьяхъ „Бунтаря“ заимствованы у старыхъ ч.-з., и, полемизируя съ „Бунтаремъ“ я именно и имѣлъ въ виду старое чернознаменское направленіе, сыгравшее столь крупную роль въ анархическомъ движеніи въ Россіи. Тактика чернознаменцевъ во многомъ была на нашъ взглядъ ошибочна по существу, и я думалъ, что въ настоящій моментъ реакціи и почти полнаго прекращенія активной борьбы, своевременно будетъ начать сызнова пересмотръ тактики русскихъ анархистовъ въ періодъ революціи. Полемизировать же спеціально съ листкомъ „Бунтаря“, какъ хотѣлъ бы меня заставить т. Вадимовъ, у меня нѣтъ никакого желанія. Меня этотъ листокъ заинтересовалъ лишь постольку, поскольку онъ является выразителемъ тѣхъ тактическихъ идей, которыми руководились работавшіе въ Россіи чернознаменцы. Безусловно мнѣ было бы желательнѣе имѣть дѣло со статьями представителей „старой редакціи“. Быть можетъ въ нихъ *тѣ же самыя* идеи были бы изложены яснѣе и въ большей логической послѣдовательности. Но разъ этихъ статей нѣтъ, то пришлось довольствоваться статьями „молодого“ „Бунтаря“. Т. Вадимовъ самъ хорошо знаетъ, что на безрыбьи и ракъ рыба, а на безлюдьи и Ѳома дворянинъ.

Въ своихъ выраженіяхъ т. Вадимовъ безнадежно, какъ и „Бунтарь“ запутываетъ вопросъ о взаимоотношеніи между стихійными выступленіями одиночекъ изъ массы и цѣлесообразными дѣйствіями анархистовъ. Отождествлять, какъ это дѣлаетъ „Бунтарь“, а за нимъ и т. Вадимовъ, эти двѣ категоріи революціоннаго дѣйствія, и замѣнять стихійный анархизмъ выраженіемъ „мы“, это несомнѣнная нерашливость мышленія и рѣчи. Я на это уже указывалъ въ своей статьѣ „На старыя темы“. Я говорилъ тамъ, что смѣшивать утилитарную (цѣлесообразную) борьбу со стихійнымъ протестомъ одиночекъ изъ среды массъ, это значитъ затемнять основные вопросы анархической тактики. Казалось бы этого смѣшиванія меньше всего всего можно было бы ожидать со стороны нашихъ антисиндикалистовъ, все время кричащихъ объ излишнемъ объективизмѣ „синдикалистовъ“. Въ дѣйствительности же это смѣшиваніе — первородный грѣхъ нашихъ антисиндикалистовъ и въ особенности „безмотивниковъ“.

Оригинальное опредѣленіе даетъ также т. Вадимовъ понятію „руководства“. Руководство тогда лишь представляется ему отрицательнымъ явленіемъ, когда оно попадаетъ въ руки „*политической* (курс. Вадимова) организацій“. А руководство пролетаріатомъ, на которое, скажемъ къ примѣру, претендуютъ централисты „махаевцы“, отнюдь не политики, такое руководство предпочтительнѣе что ли руководства соціальдемократическаго?..

Объ этихъ вопросахъ мы будемъ еще не разъ говорить, но для лучшаго выясненія ихъ, придется очевидно оставить въ сторонѣ нѣкоторыя произведенія, написанныя на эти же темы, и воздержаться отъ полемики съ „Ѳомами“ и „раками“ антисиндикализма и „безмотивничества“.

М. Раевскій.

ОТЪ ЭКСПЕДИЦІИ.

Съ *мая* по *октябрь* 1909 г. въ Россію было транспортировано и распространено въ разныхъ мѣстностяхъ:

Буревѣстникъ №№ 12, 13 и 14	4500 экз.
Буревѣстникъ №№ 15, 16 и 17	4000 —
Хлѣбъ и Воля №№ 1 и 2	200 —
Народные листки	15000 —
Народный Сборникъ	1350 —
Очеркъ рабочаго движенія въ Испаніи, В. Нахта	1000 —
Разныя брошюры изд. Бурев., Хл. и В. и др.	2000 —
Чикагская драма, А. Н.	1200 —
Вольная Воля	2000 —

Переправленная въ Россію литература была главнымъ образомъ распространена въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Москвѣ и ея районѣ, въ Тамбовской губ., въ Смоленской и Орловской губ., въ Подольской и Бессарабской губ., въ Екатеринославѣ и Донецкомъ бассейнѣ, въ Крыму, на Уралѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ.

СОДЕРЖАНІЕ:
1. Памяти Франциско Феррера. 2. Источники анархизма (Статья первая), *К. Оргеіани*. 3. О пропагандѣ среди крестьянъ (Замѣтки пропагандиста), *А. А.*—Заграничная хроника: 4. Испанія и Швеція, *А. Н.* 5. Питтсбургская стачка, *М. Р—скій*. 6. 11 ноября, *Вл. Забрежневъ*.—Изъ Россіи: 7. Письмо изъ Одессы 8. Письмо съ Юга, *З—ра*. 9. Изъ обвинительнаго акта по дѣлу минской гр. „Безначаліе“. 10. Хроника борьбы.— Библіографія: 11. Анархистъ № 4, *М. Раевскій*. 12. Отъ экспедиціи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ И ЭКСПЕДИЦІИ.

Просимъ нашихъ корреспондентовъ не пользоваться адресомъ Avenier, Genève.

Письма и деньги просятъ направлять въ:

Paris. Rédaction du „Libertaire“ rue d'Orsel, 15.

На внутреннихъ конвертахъ необходимо дѣлать надпись:

для „Буревѣстника“

ВПП 262